

ДНЕВНИКЪ ЧИТАТЕЛЯ.

Бесѣда Текущая жизнь — На помощь
семьѣ и школѣ — Обо всемъ

Октябрь.

1910 г.

БЕСѢДА.

1.

Неожиданный интервьюеръ.

Я только что сѣлъ за работу, какъ въ мой кабинетъ вошла барышня, завѣдующая конторой.

— Васъ желаетъ видѣть...

— Кто?

— Одинъ изъ подписчиковъ. Но какая странная фамилія: *Благосклонный Читатель*... Что ему сказать?

Я былъ очень занятъ. Но развѣ можно не принять Благосклоннаго Читателя? Вѣдь это — такая сила, или, если можно такъ выразиться, частица такой силы, которую нельзя игнорировать. И я поспѣшно отвѣтилъ барышнѣ:

— Попросите его сюда!

Черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ приличный, хорошо одѣтый, съ расплывчатой физиономіей мужчина неопредѣленныхъ лѣтъ. Въ немъ все было какъ-то неопредѣленно: неопредѣленное выражение лица, маловыразительные глаза... Все прилично и все шаблонно... Ничего оригинальнаго. Одинъ изъ тысячи...

— Виновать: кажется, я вамъ помѣшалъ? промолвилъ онъ, кланяясь. У васъ приемы по субботамъ... но я... пріѣзжи... и потому позволилъ себѣ...

Онъ извинялся, но тонъ его не звучалъ искренностью. Гость, очевидно, извинялся для приличія, но едва ли на самомъ дѣлѣ считалъ себя виноватымъ. Напротивъ, въ голосѣ прозвучала увѣренность, что вины нѣтъ, что я долженъ всегда, бросивъ работу, немедленно принять Благосклоннаго Читателя и дать отвѣты на всѣ его вопросы.

Я промолвилъ:

— Очень радъ... чѣмъ могу служить?

— Видите... вамъ сказали мою фамилію?

— Да.

— Я... мы очень внимательно читаемъ ваши бесѣды...

Я поклонился.

— Мы еще и ранѣ знали васъ... до „Дневника“... и видите въ чемъ дѣло. На одномъ журфиксѣ, нѣсколько дней тому назадъ, поднялся вопросъ о васъ... о вашемъ журналь... то-есть это о васъ — вѣрнѣе сказать...

— Обо мнѣ?

— Да. Кто вы? Я назвалъ васъ либераломъ и привелъ факты въ доказательство. Но какая-то Благосклонная Читательница заявила, что вы консерваторъ и въ доказательство сослалась на вашу статью, въ которой вы хотите женщину засадить въ дѣтскую и кухню. А у женщины иное назначеніе, добавила курсистка, и сказала, что когда-то г. Кругловъ держался другого взгляда и говорилъ: „Женщинѣ дорогу!“ Въ числѣ гостей былъ Скалозубъ... Онъ, со свойственной ему энергией и прямоотой, объявилъ васъ *краснымъ*, потому что вы требуете просвѣщенія и не кричите, что надо „жидовъ бить“. Но за васъ заступилась молодая дама, читавшая ваши наброски о Надсонѣ, ваши стихи „Женщинѣ“... Ее перебилъ братъ—технологъ, который презрительно замѣтилъ: „ну, да... и онъ же (т.-е. вы) восхищается Фетомъ, низко ставитъ Андреева“... Словомъ, мнѣнія раздѣлились... А вѣдь вы знаете: мы (понимаете — мы?) не можемъ... безъ опредѣленнаго ярлычка... мы сами въ массѣ неопредѣленны, но каждый хочетъ знать... какой ярлычокъ прикрѣпленъ къ вамъ... то-есть кто вы? Я и зашелъ за отвѣтомъ: за кого вы? Я прошу полной откровенности.

— Охотно. Васъ смущаютъ *противорѣчія*... Извольте... Если хотите, я либераль!

— Да?

— Позвольте. Я либераль, но не въ шаблонномъ смыслѣ слова. Будучи либераломъ, я и прогрессистъ и консерваторъ... Я либераль, потому что быть либераломъ по-моему значитъ быть свободомыслящимъ, независимымъ въ убѣжденіяхъ, не стоять на запяткахъ у той или иной партіи,

кружка, прихода,— не быть рабомъ той или другой тенденции, въ угоду ей ломая правду жизни,— не быть попугаемъ, бессознательно повторяющимъ *чей-либо катехизисъ*, будь онъ Грингмута или Кезеветтера— все равно. Это значить — не стоять за то, что выдохлось, оказалось непригоднымъ, вреднымъ, хотя бы оно и считалось *либеральнымъ* по шаблону. Это значить правду ставить выше всего, сущность выше формы, считаться не только съ мечтами и утопиями, но и съ правдою жизни; — не изъ *лукавства*, а по внимательному отношенію къ жизни не смѣшивать того, что „Божіе“ и что „кесаревое“ — и не думать по дѣтски, что человѣчество можетъ сдѣлать одинъ такой большой шагъ, который сразу и придвинетъ міръ къ идеалу. Надо не забывать, что къ идеалу человѣчество можетъ итти медленно, постепенно и на этомъ пути, во имя вѣчной правды, надо мириться съ временной правдой, отнюдь не закрывая глазъ на вѣчную... Вотъ въ какомъ смыслѣ я либераль и прогрессистъ. Я не признаю *ярлыковъ* и друзей и враговъ *по кличкѣ*. Враги родины, правды, свѣта — мои враги. Если единомыслящи и единовѣрующи сдѣлаетъ невѣрный шагъ, я не скрою и укажу на это. Правда дороже его. Если единовѣрующи унижаетъ знамя правды — я его не буду защищать. Съ *честнымъ противникомъ* я буду биться до послѣдняго издыханія, но я его не буду презирать, ибо искреннее убѣжденіе — почтенно. *Честный* атеистъ выше вѣрующаго фарисея, позорящаго своею жизнью и дѣятельностью Церковь. Но уважая чужое убѣжденіе — какъ убѣжденіе — я буду *горячо, жестоко* бороться противъ него, если считаю его ложнымъ и вреднымъ. Я *за Церковь*, но я отдѣляю ее отъ ея представителей и во имя благоговѣйной любви къ ней, сыновней преданности ей, я не стану защищать ея недостойныхъ сыновъ и служителей, — однако, буду помнить разницу между чело- вѣкомъ и постомъ. имъ занимаемымъ, тѣмъ саномъ, который остается великъ и священенъ даже на томъ, кто его носить недостойно. Я не боюсь отстаивать старое, если оно лучше новаго, и такимъ образомъ съ шаблонной точки зрѣнія являюсь консерваторомъ. Я не считаю *прогрессомъ* всякое простое движеніе впередъ, а лишь движеніе къ усовершенствованію, — и если я вижу движеніе впередъ отъ храма къ кабаку — я называю *это* регрессомъ. Консерваторъ и обскурантъ — не синонимы. Мнѣ противны *авгуры*, къ какому бы лагерю они ни принадлежали. Всѣ — одной цѣны. Кто проповѣдуетъ то, во что не вѣритъ самъ, тотъ достоинъ презрѣнія. Это не *осужденге*, а это *отношенге*. У насъ вообще образовалась странная мѣрка — для прогрессистовъ и консерваторовъ, для лѣвыхъ и правыхъ, которыхъ по нелѣпой номенклатурѣ называютъ красными и черносотенцами.

По извѣстнымъ вопросамъ установились *шаблоны*. Если

такъ смотрите — красный; *не такъ* — черносотенець... Признаете *это* — либераль, не признаете — консерваторь, реакционерь. Вы должны восхищаться Андреевымъ, Сологубомъ, не признавать Фета, ругать Каткова, Грингмута, отрицать право русскихъ на то, на что есть право у поляковъ, финляндцевъ и пр. Всѣ обязаны исполнять требованіе „либеральнаго“ участка. *Это* я называю идолопоклонствомъ, рабствомъ, лакействомъ. Я восхищаюсь Фетомъ, ставлю Тургенева выше всѣхъ нынѣшнихъ знаменитостей и, признавая талантъ Чехова, не могу его считать равнымъ Тургеневу. Не могу восхищаться Андреевымъ, *не могу читать* Сологуба, Блока и всѣхъ поэтовъ изъ... „сумасшедшаго дома“. Скалзубы водятся вовсе не въ одномъ реакціонномъ лагерѣ. Они есть во всѣхъ. Въсто полемики у нихъ хватаніе за шиворотъ... Разница только въ *участкахъ* и *судьбищахъ*, куда они тащатъ. Но вѣдь „лѣвый“ участокъ не лучше „праваго“... Съ тѣми, кто переноситъ дѣло полемики со страницъ журнала или газеты въ участокъ — я не имѣю дѣла. Поэтому всѣхъ ихъ выведемъ за скобки... Обратимся къ „благосклонной читательницѣ“. Она ошибается, думая, что я только прежде говорилъ: „женщинѣ дорогу!“ Я и теперь повторю это же самое: „женщинѣ дорогу!“ Но куда? Въ школу? На трудъ? На святой подвигъ? Или на сходку, на митингъ, на актъ насилія во имя ложной свободы? Въ домъ веселія и разврата? Въ этомъ надо разобратъся. Я не противъ женскихъ правъ, но я и за обязанности. Священны права гражданки - матери, жены, дѣятельницы — воспитательницы поколѣній. Но велики и отвѣтственны ея обязанности.

Я не противъ *ученыхъ женщинъ*, но вѣдь прежде всего *ученой* можетъ быть не всякая, такихъ очень мало, а вѣдь если куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней, то вѣдь не могу же я рака называть конемъ! А за симъ: если жалка женщина, которой чужды вовсе умственные и духовные запросы, которая живетъ *только* интересами кухни, то вѣдь уродливое явленіе и та дама, которая болтаетъ о Спенсерѣ и находится въ полной зависимости отъ кухарки, не умѣетъ сварить щей и беспомощна у кровати ребенка. Многя наши *бабушки* были прекрасно воспитаны, европейски образованы (даромъ что не были „на курсахъ“), и въ то же время превосходно знали хозяйство. Знанія не отымали у нихъ ни вкуса, ни женственности. Я это говорилъ и прежде. когда восклицалъ: *женщинѣ дорогу!* Несомнѣнно, можно любить науку и оставать *женщиной*, равно какъ быть бойцомъ за великія идеи и восхищаться Фетомъ (какъ восхищался имъ нашъ философъ В. С. Соловьевъ). Человѣкъ безъ широкаго эстетическаго развитія не вполнѣ развитой человекъ. Бѣлинскіи любилъ цвѣты. Поэзія не мѣшаетъ борьбѣ

за свѣтъ, ибо поэзія сама свѣтъ — и облагораживаетъ всякую борьбу. Если теперь не только отвратительна борьба, но и вся жизнь, ея свѣтъ — любовь, то потому, что настоящая поэзія замѣнена поэзіей кабака, поэзіей дома терпимости и хлѣва. Поэзію изгоняють отовсюду, смѣшивая ея съ пустой формой. Жизнь безъ поэзіи — жизнь безъ свѣта и воздуха. Поэзія нужна и въ религии. Пророки и псалмопѣвцы — поэты высшей силы.

— А кто вы: „фобъ“ или „филъ“, когда вопросъ касается другихъ націй?

— И национальностей — добавьте, ибо безъ этой добавки вопросъ неточенъ. Мой отвѣтъ уже вамъ извѣстенъ. Я давно сказалъ:

Я не хую чужую даль,
Я не вражду съ иновѣрцемъ,
Но раздѣляю русскимъ сердцемъ
Народа русскаго печаль.

Я не вражду. Но пусть и онъ не враждуетъ. Какъ можно бытъ „фобомъ“ противъ цѣлой націи или національности. Но это не исключаетъ борьбы, если та или иная нація или народность угрожаетъ благу народности, къ которой принадлежу я, угрожаетъ всей моей странѣ. Не могу же я спокойно допустить, чтобы другой народъ поработилъ мой народъ. Я не противъ частичной автономии народностей, входящихъ въ составъ Русскаго государства, но далѣе я не могу итти. Я люблю родину и я считаю себя патриотомъ. Но у меня нѣтъ той ложной любви, которая заставляетъ отрицать недостатки и находить черное бѣлымъ. Во имя самой любви, по причинѣ этой любви я жажду родину видѣть дѣйствительно лучшею странкою и потому желаю ей свободнаго разумнаго прогресса и готовъ указать на всѣ недостатки, чтобы уничтожить ихъ. Со всѣмъ, что вредно родинѣ, я веду борьбу. Но я не могу глумиться, какъ глумится врагъ, я *болѣю* отъ того, что радуется врага. Я защищаю свой народъ, оберегаю его отъ посягательства на его благо со стороны другого народа. Я не желаю другому народу зла, но если тотъ народъ захочетъ нанести зло, вредъ моему родному народу — я буду его защищать мечомъ и не побоюсь пролить кровь. Преступно не защищать родныхъ святыхъ. Нельзя желаемаго принимать за фактъ и отрицать условия настоящаго дня въ виду того, что когда-то этихъ условий не будетъ. Сдавъ родину врагу и ставъ самъ рабомъ, я обрекаю себя не только на рабство, но и превращаю себя въ подневольнаго защитника чужой свободы и чужой страны. Наполеонъ, покоривши нѣмцевъ, заставилъ ихъ драться съ русскими за Францію. И русскіи, ставъ рабомъ напр. японцевъ, долженъ будетъ итти защищать Японію отъ ея врага... Я отлично понимаю высоту вѣчной истины, но я по-

нимаю и необходимость временной правды, какъ ее понимали дѣды и какъ она ясна уму тѣхъ высокоблагородныхъ дѣятелей, которые при жаждѣ мира,—не только не отрицаютъ войны, но ведутъ въ битву свои полки и заботятся объ усиленіи военныхъ силъ страны. Это же благоразуміе, это же пониманіе двухъ правдъ руководило и святыми подвижниками, полными любви и мира и благословлявшими на битвы... Такъ понимать дѣло—преимущество стоящихъ выше той интеллигентной и полуинтеллигентной толпы, которая не различаетъ далекаго отъ близкаго, желаемаго отъ существующаго, и смѣшиваетъ двѣ правды въ одну. Я не хочу и не могу примыкать къ этой толпѣ. И призывая къ битвѣ за родину, я сильно жажду *общаго мира*, благословляю миръ, но не могу во имя отвлеченной идеи жертвовать свободой родины. Я не брошу меча, видя вокругъ себя вооруженныхъ враговъ, жаждущихъ поработить меня и моихъ близкихъ, наложить цѣпи на родную землю. Потому-то всякому желающему ослабить защиту родины униженіемъ народной воинственной доблести я говорю: ты вредишь родинѣ. И въ силу любви къ родинѣ не могу допустить ея ослабленія — раздѣломъ ея, не могу смотрѣть спокойно на то инородческое *хозяйничанье*, которое вноситъ разстройство въ жизнь всей страны. Когда другія народности переходятъ черту возможнаго, нарушаютъ даже справедливость, я говорю: этого нельзя допускать... А если подобная борьба принимаетъ характеръ преступления, то оно должно быть караемо. Я за свободу, но не за своеволие. А при свободѣ — рядомъ возможна сильная власть. И только сильная власть можетъ защитить свободу и обезпечить народу свободную жизнь. Слабая власть — это заржавленный мечъ... Но что онъ можетъ защитить и кому страшень?

— Значитъ вы националистъ?

— Да, не космополитъ, въ смыслѣ безразличности, которую навязываютъ русскимъ по либеральному катехизису тѣ, которые вовсе не требуютъ этой безразличности отъ другихъ народностей и даже восхваляютъ ихъ за национальное сознание и борьбу. Я признаю здоровый национализмъ, который отрицать и невозможно.

— А вы за свободу совѣсти?

— Но не отъ совѣсти только. Да вѣдь это и не вѣрное опредѣленіе. Свобода вѣроисповѣданія — вовсе не свобода совѣсти. Совѣсть никогда не можетъ быть свободной, какъ это думаютъ нѣкоторые. Ею руководитъ незыблемый законъ. Но у насъ, требуя свободы совѣсти, требуютъ опять-таки безразличія и равнодушія къ истинѣ. Православное государство во имя свободы можетъ *терпѣть и признавать* всѣ религіи, но не можетъ всѣ ихъ считать равно истинными и относиться безразлично къ тому, что считаетъ истиною народъ. Оно должно

признавать одну вѣру истинною и господствующею. Не можетъ оно смотрѣть спокойно на порабощеніе правды ложью, на загашеніе истиннаго свѣта... Православіе и магометанство. Они не могутъ быть признаны равными. Магометанство только можетъ быть терпимо. Но совращеніе въ магометанство уже — преступленіе. Допустимы мечети для магометанъ. Но нельзя же государству поддерживать и мечети наравнѣ съ православными храмами или заботиться о магометанствѣ, защищать и охранять его. Это значило бы охранять то, что не считается истиной. Я, какъ христіанинъ, не буду оскорблять магометанства, мечети, ибо это—все же чужая святыня. Но я-то ее не считаю святыней и буду радъ обращенію *каждаго* магометанина въ православіе. Я радуюсь торжеству истины. Если одно терпится, допускается — и *только*, то равенства нѣтъ. И религіознаго равенства я не признаю. Но при этомъ я вполнѣ признаю права на свободу всѣхъ вѣръ, пока онѣ не соблазняютъ, не посягаютъ на *мою вѣру*, на господствующую Церковь, не пробуютъ разрушить ее и занять ея мѣсто.

— А ваше отношеніе къ Думѣ, къ парламентаризму, къ свободѣ печати?—спѣшно проговорилъ гость.

— Все это выяснялось уже въ журналѣ за четыре года... Вы хотѣли только опредѣлить *кто* я, а теперь уже вдаетесь въ частности, хотите, чтобы я отвѣтилъ на вопросы, которые надо обстоятельно обсуждать. Повторяю, что это выяснялось въ журналѣ и будетъ обсуждаться въ рядѣ статей, бесѣдъ... Не можетъ же наша бесѣда съ вами превратиться... въ томъ бесѣдъ... Скажу однако кратко: въ созданіи Думы мы снова, какъ и во многомъ, начали прямо *со второго шага* такъ сказать,—оттого и ошибки. Мы обошли подготовительную ступень—*совѣщательное* представительство, и сразу шагнули на вторую ступеньку. На первой мы научились бы заботѣ о благѣ страны и, можетъ быть, перейдя на вторую послѣдовательно, не превратили бы заботу о странѣ въ заботу объ интересахъ партіи и борьбу за благо родины въ борьбу за партійные интересы... Свобода печати — прекрасная вещь, но... своеволіе и разнузданность не свобода... Свобода — мнѣнію убѣжденнаго гражданина, болѣющаго о родинѣ — не есть свобода для клеветы и глумленія надъ всѣмъ святымъ для народа, не есть и потворство хулиганству въ печати.

— Но вѣдь надо же...

— Нужны законы о печати, чтобы на преступления въ прессѣ, на все вредное было одно властное мнѣніе, — а не удѣльническое, когда въ одной губерніи дозволено то, что въ другой не дозволено. Здѣсь партійное, разноплатформенное мнѣніе... Но и при свободѣ печати долженъ быть су-

ровый законъ для лжецовъ, хулигановъ и развратителей народа...

Я взглянулъ на часы.

Гость понялъ мой намекъ и всталъ съ кресла.

— Но все же вы... националистъ?—повторилъ онъ.

— Да, въ томъ смыслѣ, какъ я объяснилъ... *Русский народъ долженъ быть хозяиномъ у себя дома...* но любезнымъ и добрымъ хозяиномъ ко всѣмъ гостямъ и жильцамъ дома, пока они не злоупотребляютъ гостеприимствомъ... Вы меня поняли?

— Да, но... если ярлычокъ...

— Бросьте его... Передайте все сказанное Благосклонной Читательницѣ, молодой дамѣ, курсисткѣ, ея брату... всѣмъ... и этого довольно...

II.

К с т а т и.

Разъ уже, благодаря визиту Благосклоннаго Читателя, пришлось говорить о себѣ, о журналѣ, то скажу нѣсколько словъ по поводу будущаго года, подписка на который открыта.

Журналъ остается вѣренъ той задачѣ, которой служилъ четыре года. За эти года мы убѣдились въ сочувствіи нашему изданію, и если мы за свои труды вознаграждены только нравственно, то это не останавливаетъ насъ и мы будемъ продолжать дѣло, — смотря попрежнему на него не какъ на коммерческое предпріятіе, но какъ на служение родинѣ. Въ насъ живетъ и крѣпнетъ вѣра въ побѣду, вѣра въ то, что наше изданіе займетъ надлежащее мѣсто при поддержкѣ самой читающей публики, если равнодушны тѣ, которые всего ближе касаются „оздоровленіе“ молодого поколѣнія и его руководителей. Для нашей вѣры есть основанія, и потому мы бодро идемъ впередъ. Трогательны письма, получаемыя редакціей отъ читателя, — ободряюще-утѣшительны письма выдающихся дѣятелей школы и благословенія такихъ представителей Церкви, которыхъ благоговѣнно чтитъ русский народъ...

Мы *постоянно прогрессируемъ* — это можемъ сказать прямо и открыто. „Журналъ становится все полнѣе и интереснѣе“ — эта фраза повторяется почти во всѣхъ письмахъ читателей. Мы не боимся упрека въ хвастовствѣ, говоря это. Мы можемъ сказать смѣло: сравните, посмотрите и убѣдитесь. Отчего нельзя сказать того, что правда? Вѣдь мы говоримъ не о своихъ личныхъ качествахъ, мы не хвалимся, а лишь отмѣчаемъ съ радостью нравственный успѣхъ нашего любимаго дѣла, которому отдали всѣ наши силы, здоровье, сред-

ства, принесли въ жертву даже личные писательскіе интересы... Это сказать не стыдно и не боязно. Это не реклама. Это отрадное сознание, безъ котораго немислимы борьба и работа.

Смущаемые современной сумятицей, многие изъ нашихъ подписчиковъ (родители и представители школы) выразили желаніе имѣть здоровое чтеніе и для дѣтей... Нашей мечтой было дать, какъ приложение къ „Свѣточу“, самостоятельный журналъ для дѣтей. Но осуществить это возможно лишь при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ еще не находится наше изданіе. Однако, мы пошли навстрѣчу желаніямъ многихъ и въ этомъ году приложили пять книжекъ „Дѣтской Библиотеки“, изъ которыхъ въ одной дали двѣ сказки, а въ четырехъ—рядъ легендъ—„Древнее въ настоящемъ“. Мы сначала не думали занимать легендами всѣ 4 выпуска, но сдѣлали это въ силу многочисленныхъ желаній, можно сказать чуть не требованій—подписчиковъ, среди которыхъ (судя по письмамъ) легенды встрѣтили необычайное сочувствіе. „Ради Бога—продолжайте и дальшіе легенды, это такъ полезно“, писали намъ многие. Мы рады, что прекрасно изложенныя г. Лысковскимъ легенды понравились. Не успѣвъ дать еще многихъ легендъ, мы продолжимъ ихъ для юныхъ читателей въ отдѣлѣ „На помощь семьѣ и школѣ“. Съ будущаго же года мы предлагаемъ дѣтямъ подписчиковъ уже *настоящій дѣтскій журналъ*, хотя пока и маленькій, и всего 5 №№. Это еще не то, чего мы хотимъ, но это то, что мы можемъ дать при той цѣнѣ, какая существуетъ на „Свѣточѣ“, при другихъ бесплатныхъ преміяхъ. Это уже шагъ впередъ и это значить много, ибо читатели за 4 рубля будутъ имѣть разнообразный общій журналъ, нѣсколько приложений и журналъ для „маленькаго народа“. Этотъ журналъ для юнаго поколѣнія дастъ безусловно *здоровое, интересное чтеніе*, и если прибавить, что для юношей многое и въ самомъ „Свѣточѣ“ доступно для пониманія,—то выпиывающе „Свѣточѣ“ будутъ имѣть достаточно чтенія не только для себя, но и для своихъ дѣтей. Если условія будутъ благопріятствовать—несомнѣнно мы сдѣлаемъ скоро и новый шагъ—и „Маленькіи Свѣточѣ“ явится вполнѣ самостоятельнымъ дѣтскимъ журналомъ, въ видѣ бесплатнаго приложения такъ сказать къ большому „Свѣточу“, съ которымъ въ 1911 году сливается „Дневникъ Писателя“.

А. Кругловъ.

ПАТРИАРХЪ ГЕРМОГЕНЪ.

Изъ стихотворенія Н. А. Вроцкаго.

То были ужасные, грозные годы
Для русской несчастной земли,
Когда, какъ громовыя тучи, невзгоды,
Свинцомъ ей на грудь налегли.
Повсюду, какъ волки, бродили поляки,
Какъ рой саранчи казаки
Носились по селамъ, и жгли, и терзали
Несчастную Русь ихъ полки.
И много своихъ въ тѣ года измѣнило,
И, радуясь общей бѣдѣ,
Лишь рыбу ловить для поганой корысти
Старались въ мутной водѣ.
Но все же и въ эти ужасные годы
Вконецъ не покинулъ насъ Богъ,
И грозно карая за грѣхъ и неправду,
Собраться землѣ онъ помогъ.
Поднялися въ Нижнемъ. Козьма Сухорукій,
Бѣднякъ, ремесломъ говядарь,

МОСКВА.

Чудовъ монастырь.

Полчи у пвтр Гермогена, въ подземельѣ Чудова монастыря.

Должно быть потомокъ сыновъ Новограда,
Припомнилъ, какъ дѣлывалъ встарь
Свободный народъ, когда дѣло касалось
Защиты родныхъ очаговъ,
Когда приближались союзныя рати
Исконныхъ и храбрыхъ враговъ.
Какъ вдругъ создавалась мощная сила,
Коль вѣче рѣшало возстать
Во славу великой, премудрой Софїи
И родину всѣмъ защищать.
Припомнило Минина сердце бывшее,
И кликнулъ могучій онъ кличь,
И сильной, простой, задушевною рѣчью
Сумѣлъ своей цѣли достигъ.
Пашлись и деньги, и люди, сумѣли
Себѣ воеводу избрать,
И двинулась къ бѣдной Москвѣ полоненной
Великая русская рать.
Стеклись на подмогу другіе; съ Зарудкимъ
Не мало пришло казаковъ;
Привелъ и свою боевую дружину
Рязанецъ Прокопъ Ляпуновъ.
Страшила поляковъ та земская сила;
Страшилъ ихъ тотъ русскій народъ,
Который лишь гнулъся, но все не ломился
Отъ страшныхъ и долгихъ невзгодъ;
Который, ни правъ, ни законовъ не зная,
Татарскую свергнувъ напасть,
Трудился незримо, Москвѣ помогая
Упрочить единую власть.
Народъ ужъ не вѣрилъ князьямъ и боярамъ;
Но вѣрили всѣ въ одного,
Кто въ тяжкіе годы лихого безправья
Не тѣшилъ себя самого,
Служилъ не корысти, служилъ государству,
И крѣпко стоялъ за своихъ,
И въ сдѣлку съ врагомъ не вступалъ, и дарами
Не льстился коварными ихъ;
И сладъ вдохновенныя всюду посланья:
Чтобъ всѣ поголовно легли,
Но только бѣ латинца избрать не посмѣли
Царемъ православной земли.
И знали поляки, что всѣ ихъ посулы,
И льготы, и сила, и власть
Останутся втунѣ; что ими не сманишь
Всю Русь, что грозить имъ напасть,
Пока не удастся сломить Гермогена
И волю монаха склонить,

Хотя бы надеждой спастися изъ плѣна,
 Отчизнѣ своей измѣнить.
 Но праведный старецъ, какъ Божій подвижникъ,
 Какъ сынъ православной земли,
 Былъ твердъ неизмѣнно, и сладкія рѣчи
 Его искусить не могли.
 И ляхи рѣшили святого владыку
 Еще разъ съ угрозой просить,
 А если откажетъ, голодною смертью
 Въ темницѣ его уморить.
 Ужъ третія сутки владыку держали
 Прикованнымъ цѣпью, во тьмѣ,
 И пищи ему никакой не давали,
 И жаждой томили въ тюрьмѣ.
 Но доблестный старецъ, себя забывая,
 Страданья свои отжени,
 Молился и ждалъ, какъ предвѣстника рая,
 Послѣдняго смертнаго дня.
 На утро пришли, застучали запоры,
 Дробясь засверкали огни,
 Вошли палачи—и зловѣщіе взоры
 Вперили на старца они.
 За ними, на блюдѣ и въ мисѣ узорной,
 Какія-то яства внесли,
 И сняли съ нихъ сѣтки, покрытыя паромъ,
 И близко къ нему поднесли.
 — „Пора положить, къ обоюдному миру,
 Конецъ этой тяжелой борьбѣ;
 Смирись! Объяви своему ты народу,
 Чтобъ онъ покорился судьбѣ;
 Чтобъ онъ государемъ призналъ Владислава,
 Что ты признаешь его самъ,
 И вмѣстѣ съ другими посломъ сановитымъ
 За нимъ отправляйся ты къ намъ“.
 . . . . .

Но старецъ былъ твердъ...

НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ.

I.

Женское равноправіе.

Женщина. Женскій вопросъ, женскія права, женское призваніе, образованіе, женскій трудъ, — все это теперь у всѣхъ возбуждаетъ вниманіе, вызываетъ безконечные разговоры, споры и разсужденія. И вотъ здѣсь-то почти всегда забывается то, что сдѣлало христіанство для женщины; мало того, нерѣдко можно услышать и жалобы и гнѣвные возгласы противъ христіанства, будто бы въ ученіи и практикѣ Церкви освятившаго рабство женщины мужчинѣ, унижившаго женщину и не дающаго ей чело-вѣческихъ правъ. Случается то, что такъ часто мы видимъ въ исторіи и въ жизни: отдѣльныя личности, цѣлыя племена и народы сплошь и рядомъ забываютъ о нѣкогда полученныхъ благодѣяніяхъ и нерѣдко вмѣсто благодарности питаютъ непріязненные чувства къ облагодѣтельствовавшей ихъ силѣ. Это самое мы видимъ и въ вопросѣ о правахъ, свободѣ и равноправіи женщины.

Въ чемъ должно полагать равенство и равноправіе людей? Неужели въ томъ, чтобы, вопреки здравому разуму, всѣхъ людей признать равными по ихъ физической сторонѣ? Неужели всѣ одинаково молоды, здоровы, сильны? Отвѣтить на такіе вопросы утвердительно — значитъ сказать за-вѣдомую нелѣпость. Неужели, далѣе, нѣтъ разницы не только въ физическомъ строеніи, но и въ объемѣ физическихъ силъ мужчины и женщины вообще? Отвѣтить и на такой вопросъ утвердительно тоже значитъ сказать сознательную нелѣпость. И если современные защитники женскихъ правъ такъ-называемой эмансипации болѣею частью люди, чуждые вѣры, утверждаютъ, что женщина и физически, по крѣпости силъ, выносливости, постоянству ежедневной работы, равна мужчинѣ, то это они дѣлаютъ только потому, что не признаютъ духовной стороны въ человѣкѣ и оттого не могутъ указать на безмѣрно высшее равенство и чело-вѣческое достоинство женщины именно въ области духовной, какъ равно съ мужчиной созданной Творцомъ, равно искупленной отъ грѣха, равно призванной къ участию въ царствѣ Божіемъ, къ общенію съ Богомъ, къ святости и вѣчному блаженству въ Богѣ. Они забываютъ, что есть времена въ жизни женщины, связанная съ ея поломъ и материнствомъ, которыя, такъ-ска-

зять, принудительно вырываютъ ее на болѣе или менѣе продолжительный срокъ изъ строя обычно понимаемой общественной, государственной и всякой иной работы, какъ труда ради заработка и пропитанія. И если поставитъ женщину рядомъ съ мужчиной въ чисто-животною такую работѣ, то, конечно, она не можетъ непрерывно сидѣть на кофѣ, воевать, рубить дрова, пахать и копать землю. Въ этомъ отношеніи она, естественно, уступаетъ болѣе сильному, чѣмъ она, мужчинѣ.

Но противорѣчить ли все это ея духовному равенству съ мужчиной? Развѣ всѣ должны быть пахарями, дровосѣками? Развѣ различіе труда не является неизбѣжнымъ въ жизни людей, и развѣ оно унижаетъ одного человѣка предъ другимъ? И развѣ христіанство, отводя, согласно природѣ, мѣсто женщинѣ, — главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, въ семьѣ, — тѣмъ самымъ считаетъ ее существомъ духовно-визшимъ, чѣмъ мужчиною? Тогда и въ томъ, что въ военную службу призываются люди молодого возраста, не есть ли униженіе для людей зрѣлыхъ и старыхъ? Развѣ семья ниже общества и государства? Не напротивъ ли, не есть ли она и ячейка общества и незамѣнимая школа всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, коими сильно и крѣпко государство? И, вѣряя женщинѣ семью, воспитаніе, не оказываетъ ли этимъ самымъ христіанство самую высокую честь женщинѣ и не признаетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ величіе ея духа? И, наоборотъ, выводя ее изъ семьи, не бросаютъ ли нынѣшніе освободители камнями въ своихъ матерей, которымъ они обязаны жизнью, и въ цѣлый рядъ своихъ предковъ-женщинъ, великихъ въ смиренномъ трудѣ, въ подвигѣ самоотреченія и терпѣнія, и не оскорбляютъ ли они женщину вообще, не давая ей мѣста въ самыхъ исходящихъ и тайникахъ жизни? Не идутъ ли они и прямо противъ голоса природы, отводя женщину отъ женскаго дѣла и тѣмъ передавая его мужчинѣ — слѣдовательно, заставляя мужчинъ кормить грудныхъ дѣтей и отнимая у нихъ мать. Развѣ видно что-либо подобное въ царствѣ живыхъ существъ? Развѣ не ясно опредѣлены тамъ обязанности матери?

Но есть, повторяемъ, иная область чисто-духовнаго, религиозно-нравственнаго равенства женщины съ мужчиной, и эта область впервые была указана и доселѣ единственно указывается въ христіанствѣ. Въ мірѣ языческомъ, какъ и въ мірѣ мусульманскомъ, не смотря на то, что послѣдніи считаетъ себя усовершеніемъ откровенія Божія, даннаго во Христвѣ, — на женщину смотрѣли прямолинейно-чувственнымъ взглядомъ. Она, жена, — орудіе наслажденія мужа; она, мать-питательница дѣтей, — орудіе продолженія рода; она, сестра, — работница въ семьѣ до времени, когда будетъ куплена мужчиной въ жены: вотъ все ея значеніе въ мірѣ и жизни. Въ мусульманствѣ она не имѣетъ права входить въ домъ молитвы, а въ Магометовомъ изображеніи будущаго рая о ней совершенно не упоминается: ей тамъ нѣтъ мѣста. Виѣ замужества женщина — лишнее существо въ мірѣ. Есть очень характерный для предмета нашей рѣчи разсказъ китаискаго миссіонера. Его спросили послѣ проповѣди китаецъ: „Для чего ты намъ все это говоришь?“ Миссіонеръ отвѣтилъ: „Я иду и желаю спасенія вашихъ душъ“. „Но въ такомъ случаѣ, — спросилъ язычникъ, — зачѣмъ же ты проповѣдуешь моей женѣ и вообще женщинамъ: развѣ у женщины есть душа?“

Если теперь современные освободители женщинъ съ такою болною настойчивостью уравниваютъ ее съ мужчиною, то они послѣдовательнѣе отстаиваютъ только въ томъ отношеніи, что наравнѣ отрицаютъ, отнимаютъ душу и у женщины и у мужчины и обоихъ низводятъ въ разрядъ животныхъ... Незавидное равенство!

И вдругъ среди языческаго общества съ его грубо-чувственными воззрѣніями на женщину раздается слово Евангелія и утверждается христіанская жизнь. Являются женщины, которыя всецѣло отдають себя заботамъ именно о спасеніи своей души, отказываются отъ замужества, достигаютъ святости, дѣлаются равноапостольными, прославляются Церковью... Что это, какъ не наглядное и самое убѣдительное свидѣтельство предъ всѣмъ широмъ о томъ, что женщина не только какъ мать, жена или дочь имѣетъ значеніе, но и какъ отдѣльная личность сама по себѣ, что въ духовномъ отношеніи женщина равна мужчинѣ, что здѣсь она идетъ рядомъ съ нимъ и часто превосходитъ его! Апостоль впервые возвѣстилъ міру изумительное ученіе, что предъ Богомъ и въ Богѣ „нѣтъ мужескій полъ и женскій“. Различіе половъ, равно какъ и сообразно съ поломъ различіе служеній на землѣ, есть нѣчто несущественное, неважное, въ нравственномъ смыслѣ равно оцѣниваемое, какъ среда, способъ, обстановка служенія Богу; что же касается духовно-нравственной цѣнности женщины, то она, какъ равно сотворенная, искупленная и призванная къ общенію святости вѣчной жизни и блаженства, совершенно равна мужчинѣ.

И эта святость женщинъ и эти ихъ подвиги въ проповѣди Вѣры, жетическіе подвиги въ обителяхъ, подвиги въ служеніи ближнимъ ради Бога, въ отказѣ отъ замужества ради безпрепятственнаго служенія запросамъ вѣрующаго духа, — все это безконечно выше для доказательства равноправія женщины и мужчины, ея достоинствъ, ея заслугъ, чѣмъ всѣ современныя потуги такъ-называемыхъ эмансипированныхъ женщинъ во то бы ни стало сдѣлаться мужчиною, хотя бы цѣною душевнаго и физическаго уродства, очерствѣнія сердца и потери того обаятельнаго свойства женщины, которое такъ и названо по имени ея женственностью и которому болѣе принадлежать не можетъ.

Нѣтъ, свободы и цѣнности человѣческаго духа, окрыленного и возвышеннаго въ Вѣрѣ, не можетъ дать ничто вѣншее, но и ничто вѣншее не можетъ подавить. Во всякомъ полѣ, во всякомъ народѣ, во всякомъ званіи и состояніи пущій Бога и дѣлающій пріятель Ему, и тому свидѣтельство — величайшій сонмъ святыхъ и праведныхъ женщинъ, проявившихъ въ христіанствѣ и ублажаемыхъ Церковью.

Урокъ здѣсь и женщинамъ и мужчинамъ; мы должны сознательно цѣнить превосходство Святой нашей Вѣры предъ всѣми измышленіями и курами человѣческими, какъ они ни назывались, — язычествомъ ли или цолоноклонствомъ, — предъ человѣческимъ разсудкомъ и такъ-называемымъ прогрессомъ...

Только во Христѣ осмысливается и возвышается до святости вся въ совокупности человѣческая жизнь и каждое отдѣльное ея проявленіе! („Р. Земля“ Протоіерей І. І. Восторговъ).

II.

Женскій вопросъ.

Къ числу модныхъ вопросовъ воинственнаго направленія, наиболѣе назойливо - крикливымъ, принадлежитъ такъ называемый женскій вопросъ съ его требованіемъ правъ свободы, отъ которой, однако, еще тяжелѣе становится разумной русской женщиной. Последней — не до теоріи, не до пылкихъ словъ. Въдѣ условія и осложненія экомическаго кризиса пагубнѣе всего отозвались именно на долѣ современной женщины.

Мы переживаемъ плоды побѣднаго шествія капитала, перевѣса промышленности надъ земледѣліемъ. Стоимость жизни и необходимѣйшихъ продуктовъ увеличивается въ цѣнѣ со дня на день одновременно съ невѣроятнымъ развитіемъ и удешевленіемъ предметовъ роскоши. Дорого оплачиваемый мужской трудъ все охотнѣе замѣняется дешевымъ — женскимъ. Создалось положеніе, при которомъ естественное влеченіе известись семьей для большинства мужчинъ становится невыносимымъ за невозможностью содержать семью; и браки заключаются все рѣже и рѣже. Дошло до того, что высмѣивается святость и самой идея брака...

И все тяжелѣе, все сложнѣе складывается жизнь дѣвушки. Разсчитывать на замужество, на возможность, чтобъ жизнь сложилась согласно всей ея природѣ, не приходится. И вотъ современная дѣвушка коверкаетъ себя, притворяется, скрываетъ безнадежный ужасъ своего новаго положенія, ищетъ самостоятельнаго заработка, чтобы тѣмъ самымъ, продолжая вытѣснять мужской трудъ, своими же руками все дальше отстранять свое возможное счастье. Получается заколдованный кругъ, по существу полный трагизма. И подъ гнетомъ этой лямки, какъ многія, не выдержавъ, ищутъ преждевременной смерти, ни единымъ словомъ не обмолвившись о женскомъ вопросѣ съ его возгласами о правахъ и свободѣ... умереть съ голода на улицѣ.

При этомъ тяжкомъ оплакиваніи отлетающаго счастья, въ этой непосильной борьбѣ за существованіе, при чемъ, спрашивается, женскій вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предсталъ на прошлогоднемъ женскомъ съѣздѣ либеральныхъ его представительницъ? При чемъ тутъ его политическая подоплека и его революционная воинственность?

Съ полнымъ убѣжденіемъ и съ рядомъ фактическихъ данныхъ мы утверждаемъ, что женскій вопросъ въ Россіи въ его теперешнемъ фазисѣ есть явленіе совершенно чуждое, искусственно привитое и использованное инородческимъ элементомъ во славу космополитизма и явный ущербъ практическаго разрѣшенія дѣйствительныхъ нуждъ русской женщины. И самый терминъ „женскій вопросъ“, припиленный къ періоду реформъ 60-хъ годовъ, есть фальсификація историческихъ событій, побудившихъ русскую женщину увлечься медициной.

Русская женщина среди всѣхъ европейскихъ женщинъ издавна выдѣлилась своею самостоятельностью, вдумчивостью, силою воли и серьезнымъ общественнымъ вліяніемъ. Даже во времена наибольшаго ея порабощенія, —

во времена „Домостроя“, когда мужу вѣнялось въ обязанность жену „заслушаніе и небреженіе вѣжливенко бить, за руку держа“; когда идеаломъ жены считалась „жена покорная, добрая, трудолюбивая и молчаливая“,—даже въ эти времена исторія выдвигаетъ такіе типы, какъ Марѳа Посадница, Елена Глинская (мать царя Іоанна IV), царевна Софія и многія другія. Всѣ вмѣстѣ взятія европейскія государства не дадутъ столько женскихъ историческихъ именъ, сколько ихъ насчитываетъ наша отечественная исторія. Начиная съ княгини Ольги, мы видимъ ея значеніе и власть не только на престолѣ, но и въ литературѣ, въ искусствѣ и даже въ наукѣ.

Издавна и законы на Руси не ставятъ ее въ положеніе безправной. Такъ, если не вполне въ равной степени съ мужчиной, то все же ей предоставляется извѣстная доля въ наслѣдованіи движимаго и недвижимаго имущества, и обезпечивается извѣстная независимость въ общественномъ положеніи.

Такимъ образомъ, начиная съ первыхъ страницъ нашей отечественной исторіи, мы видимъ, что русская женщина не нуждалась и не нуждается въ революціонныхъ потугахъ въ защиту своихъ правъ. Она правами искони уже владела. Эти ея права выработывались и укоренялись сами собою въ силу характера того народа, котораго она составляетъ неотъемлемую половину.

Въ эпоху реформъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія русская женщина со всею страстностью своего характера и безотвѣтнымъ самопожертвованіемъ, при полномъ сознаніи своего исконнаго значенія и вліянія, дала себя увлечь общимъ подъемомъ служенія своему народу. Сдѣлалось это не вдругъ, а постепенно, ибо тутъ рѣчь шла не о своихъ, женскихъ, правахъ, а о нуждахъ Россіи.

При освобожденіи крестьянъ именно русскою женщиною усмотрѣно было глубокое невѣжество, царившее въ народѣ, вдругъ предоставленномъ самому себѣ. Безъ школъ, безъ практическаго опыта, безъ медицинской помощи, народу грозили бѣдствія хуже крѣпостничества.

И вотъ одна изъ наиболѣе энергичныхъ русскихъ женщинъ, со всею отзывчивостью своего славянскаго темперамента и выдающагося таланта,—простая казачка Кошеварова (впослѣдствіи, по замужеству, Руднева) рѣшаетъ, что этотъ освобожденный родной народъ надо учить и лѣчить... Но чтобы учить и лѣчить, надо и самой всему обучиться. Подобно Ломоносову, она спѣшитъ въ столицу за поисками необходимыхъ познаній. Предъ ея рѣшимостью, удивительными способностями и выдающимся талантомъ ей распахиваются двери петербургскаго медицинскаго факультета, гдѣ она и получаетъ докторскій дипломъ.

Вслѣдъ за нею, съ тою же стремительностью, преслѣдуя ту же цѣль, но уже за границею—въ Цюрихѣ—оканчиваетъ медицинскій факультетъ не менѣе талантливая Суслова; постепенно потребность учиться захватываетъ все болѣе болѣе кругъ русскихъ женщинъ. Всѣ онѣ, побросавъ семьи, нельзя упростивъ наряды, спѣшатъ стать полезными гражданками просвѣдившейся Россіи.

Вся Европа диву далась, видя ихъ трудолюбіе и талантливость. Но женщины Запада, сверхъ того, этотъ разительный примѣръ стремленія къ

образованію на благо своего народа заставилъ критически оглянуться въ свою собственную судьбу и долю. Вѣдь не только во Франціи, но и въ наиболѣе цивилизованной странѣ—въ Англіи,—женщина лишена всякихъ гражданскихъ правъ и всякой самостоятельности. Закономъ она поставлена въ самыя унизительныя условия полной зависимости то отъ отца, то отъ мужа. Желчь на правительства, такъ долго игнорировавшія ихъ интересы, скопилась на сердцѣ западной женщины и всплыла со всею горечью давнишней обиды. вмѣстѣ съ пробудившейся жадью знаній,—западная женщина ставила себѣ задачей добиться и тѣхъ гражданскихъ правъ, которыми давно пользовались женщины въ Россіи. Эта-то борьба за свои гражданскія права, пристегнутая къ широкому образованію, создала ту „эмансипацію“, которая, перенесенная на русскую почву, стала явленіемъ наноснымъ и абсолютно намъ чуждымъ.

Съ другой стороны, къ подъему западныхъ женщинъ пристегнулись революціонныя вѣянія, имѣвшія въ то время громадныя успѣхы. И вотъ оказался „женскій вопросъ“.

Славянская расплывчивость русской натуры сказалась и тутъ.

Не успѣла русская женщина пожать плоды своего искренняго, безбористнаго порыва, какъ она сдѣлалась уже центромъ политическихъ махинацій своихъ западныхъ сотоварокъ. Впрочемъ, на это несомнѣнно повлияло и то обстоятельство, что съ увеличеніемъ круга учащихъ въ ихъ средѣ стали преобладать не таланты и искренность, а посредственности ищущая заработка, мелкое тщеславіе.

Такова исторія „женскаго вопроса“ у насъ на Руси. Но не революціоннымъ духомъ космополитизма и не беспочвенной крикливостью можетъ добиться русская женщина того, къ чему стремится она, какъ человекъ и какъ дочь своей родины. („Россія“.)

III.

Ко времени.

Извѣстный писатель Н. М. Португаловъ даетъ слѣдующій отзывъ о книгѣ А. А. Луцкевича подъ названіемъ „Сборникъ патристическихъ статей, военно-историческихъ разсказовъ, примѣровъ героизма, подвиговъ самопожертванія и соотвѣствующихъ поэтическихъ произведеній“.

Въ сборникѣ этомъ напечатаны: полный титулъ Государя, малый титулъ Государя, имена и титулованіе особъ Императорской Фамиліи, молитва за Царя, русскій народный гимнъ, народная пѣсня „Слава Богу на небѣ“, слава Царю; затѣмъ краткій географическій очеркъ Россіи; потомъ — краткій историческій очеркъ Русскаго государства; далѣе — русскія военно-историческія святыни, русскія столицы и русскія родныя картины; послѣ того военно-историческіе разсказы и, наконецъ, о высокому значеніи русскаго христіанскаго воинства.

Книга написана очень удобопонятно, такъ что доступна какъ школьнику средняго возраста, такъ и еде грамотному новобранцу. Географическіи

очеркъ не великъ, но изложенъ такъ, что даетъ вполне ясное представление о нашемъ отечествѣ съ этой точки зрѣнія.

Историческій очеркъ тоже очень рельефно рисуетъ нехитроственному уму ребенка или солдата исторію родной страны. Онъ обнимаетъ время отъ начала русскаго государства и до сихъ поръ. Изложенъ очень тепло и душевно. Читая его, какъ бы слышишь голосъ умной и любящей патриотки-матери, внушающей своимъ дѣтямъ чувства патриотизма и уваженія къ людямъ, создавшимъ Россію и отстаивавшимъ ее отъ враговъ, часто даже „не щадя живота своего“.

Въ отдѣлѣ русскихъ патриотическихъ святыхъ описаны наиболѣе чтимыя иконы. Въ отдѣлѣ русскихъ столицъ — Петербургъ, Москва и Кіевъ описаны въ стихахъ нашихъ лучшихъ поэтовъ. Въ отдѣлѣ русскихъ народныхъ картинъ изба, свѣтелка, сѣвъ, Св. Пасха, весеннія воды, весна, сѣнокосъ, жнитво, сельскія работы и т. д.

Въ отдѣлѣ военно-историческихъ разсказовъ — геройскіе подвиги русскихъ воиновъ при защитѣ знамени, артиллерійскихъ орудій, для спасенія начальниковъ и товарищей; примѣры исполненія русскими воинами присяги своему Царю и отечеству и примѣры героизма русскихъ воиновъ при исполненіи присяги въ мирное время.

Въ настоящее время, когда мы, русскіе, убѣдились на дѣлѣ, какъ важно воспитывать народъ, а особенно дѣтей и воиновъ, въ духѣ національномъ и патриотическомъ, яркій примѣръ чего намъ явили японцы, — такія книги, какъ этотъ сборникъ, должны быть настольными у каждаго русскаго школьника, у каждаго солдата и матроса.

За минувшія пять лѣтъ на книжный рынокъ было выкинуто немало книгъ, которыя не только развращали дѣтей и молодежь, но прямо повергали ее въ несказанное уныніе, такъ какъ въ этихъ книгахъ все, касающееся нашей родины, выставлялось въ самомъ неприглядномъ видѣ. Книги эти были разнообразны — отъ учебниковъ до путеводителей, не говоря уже о псевдо-научныхъ сочиненіяхъ, представлявшихъ собою лишь силошную подтасовку фактовъ и сгущеніе красокъ, конечно въ отрицательномъ смыслѣ.

Слѣдствіемъ такого „просвѣщенія“ дѣтей и молодежи явились самоубійства, которыя вскорѣ приняли массовый характеръ, ибо какъ же не спѣшить уйти изъ этой жизни, когда здѣсь все такъ мрачно, такъ печально, такъ безнадежно... И вотъ, авторы тѣхъ книгъ вольно или невольно (это имъ только извѣстно) являлись палачами дѣтей и молодежи, отнимали у нихъ — раньше вѣру, надежду и любовь, а потомъ и самую жизнь.

И если тѣ книги можно и должно назвать отравой, то книги, подобныя изданіямъ г. Луцкевича, должно безусловно признать противоядіемъ противъ той отравы. И каждый школьникъ, каждый солдатъ или матросъ, прочтавшій его прекрасную книгу, пріобрѣтетъ прочный фундаментъ для того, чтобы со временемъ превратиться въ честнаго гражданина и прекраснаго воина, защитника Государя и отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Будемъ надѣяться, что то время, когда подобныхъ г. Луцкевичу учителей у насъ на Руси будутъ десятки тысячъ, уже не за горами.

Отъ всей души рекомендуемъ этотъ сборникъ всѣмъ школамъ, а также и войсковымъ частямъ какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, равно и книжнымъ магазинамъ тѣхъ же категорій.

IV.

Библиографія.

Авенариусъ, В. П. *Первый русскій изобрѣтатель Иванъ Петровичъ Кулибинъ.* Биографич. рассказъ для юношества.

О Кулибинѣ писали многие. Но книжка Авенариуса не лишняя среди другихъ. Личность механика-самоучки настолько интересна, жизнь его настолько поучительна, что о немъ должно говорить какъ можно больше. Очеркъ Авенариуса прочтутъ съ удовольствіемъ не только дѣти и юноши, но и взрослые, незнакомые съ Кулибинымъ. А вѣдь, несмотря на множество рассказовъ о немъ—едва ли многіе хорошо и серьезно знакомы съ его дѣятельностью,—съ его трудами и изобрѣтеніями. Въ наши дни особенно полезны такія книжки. Изъ нихъ узнается, что въ прошломъ было не мало хорошаго, что *всегда*, во всѣ времена, при всякихъ условіяхъ социальныхъ и политическихъ—люди, желающіе работать и быть полезными родинѣ, трудились и служили отечеству своими дарованіями. И надо развивать въ молодомъ поколѣннн чувства благоговѣнной благодарности къ людямъ труда, честнымъ работникамъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Потому-то и полезны такіе очерки, какъ очеркъ жизни и дѣятельности Кулибина, написанный Авенариусомъ. Иллюстраціи очень хороши.

К.

Н. А. Толстой. — *Три сестры.* Сказка въ стихахъ для всѣхъ возрастовъ. Рисунки и заставки автора. Спб. Изд. А. Ф. Деврена.

Эта сказка-легенда касается происхожденія трехъ варяговъ, явившихся къ славянамъ устроить ихъ землю и насадить порядокъ государственности. Пытливый народный умъ, стремившійся уяснить себѣ происхожденіе варяговъ, которые поразили его своими разнообразными талантами, окружилъ ихъ легендарною дымкою. На этой фантастической почвѣ и создалась та поэтическая сказка, которую и переложилъ стихами Н. А. Толстой. Своимъ стихамъ авторъ придалъ былинный характеръ. Своею формою, нѣкоторыми оборотами и словами произведеііе какъ бы напоминаетъ сѣдую древность, что вполне и отвѣчаетъ данной фабулѣ, гдѣ выводится старый князь со княгиніею, у которыхъ было три дочери-раскрасавицы: Ольга, Наталья и Марія. По своей добротѣ князь изъ богатаго превратился въ бѣдняка и одна-

жды отправился въ лѣсъ на охоту, чтобы достать пропитаніе семьѣ. Онъ убилъ козленочка и самъ попалъ за это въ лапы страшнаго медвѣдя, который, подъ угрозой смерти, вырвалъ у князя согласіе на бракъ со старшею дочерью. При второй подобной охотѣ—орель получилъ себѣ въ жены Паташу, а при рыбной ловлѣ—морское Чудо-юдо лишило князя послѣдней дочери—Маши. Въ утѣшеніе тоски стариковъ судьба вознаградила ихъ, пославъ имъ сына Володыря. Когда онъ подростъ и узналъ исторію сестеръ, то отправился ихъ разыскивать и попалъ въ берлогу съ медвѣжатами—семью Ольги, мужъ которой полгода носить образъ звѣриный, а другіе полгода живеть человѣкомъ, благодаря напущенному на него колдовству. Подъ такимъ же заклятемъ оказались и мужья другихъ сестеръ. Всѣ они приняли Володыря поцарски и просили снять съ нихъ колдовство, снабдивъ на дорогу талисманами. Дологъ и труденъ былъ путь Володыря. На каждомъ шагу ему мѣшали разныя препятствія. Но всѣ ихъ онъ преодолѣлъ благополучно и вернулся къ родителямъ съ невѣстою, которую тоже выручилъ изъ-подъ заклятія. Къ родителямъ съѣхались всѣ сестры съ нарѣченными и справили сразу четыре свадьбы. Послѣ этого разѣхались на четыре стороны, zaloжили на Руси всѣ по княжеству и построили города: старый Новгородъ, Изборскъ съ г. Езеромъ, Володырь построилъ Москву, а старики остались въ Кіевѣ. Хронологія, какъ видимъ, произвольная и событія перепутаны, но въ сказкѣ это допустимо, въ особенности, если она изукрашена такими превосходными стильными рисунками. Сказка читается съ интересомъ. Это художественное изданіе можетъ служить прекраснымъ подаркомъ дѣтямъ средняго и старшаго возраста.

Изъ чужихъ отзывовъ.

Жукъ, В. Н. (авторъ книги „Мать и дитя“). *Козье молоко для дѣтей и больныхъ. Коза-кормилица.* Изданіе первой петербургской фермы чистокровныхъ швейцарскихъ козъ. 104 стр. С.-Пб. 1909. 60 к.

Брошюра этого жаркаго пропагандиста козьего молока изобилуетъ выдержками изъ различныхъ сочиненій, докладовъ и мнѣній профессоровъ и прочихъ компетентныхъ въ этомъ вопросѣ людей. Всѣ силы автора, кажется, были направлены къ тому, чтобы привести какъ можно больше мнѣній сторонниковъ своего дѣла, которое, впрочемъ, и безъ поддержки всякихъ авторитетныхъ именъ никѣмъ никогда не отрицалось,—и если въ послѣднее время стали имъ заниматься больше, чѣмъ раньше, такъ это потому, что вообще въ послѣднее время замѣчается большой подъемъ интереса къ животноводству.

Тѣмъ не менѣе авторъ вполнѣ правъ, пропагандируя съ такимъ жаромъ козье молоко, какъ пищу для грудныхъ дѣтей. Всѣ главы этой брошюры, несмотря на различныя названія, представляютъ собой одинъ горячій призывъ къ этому дѣлу. Авторъ прежде всего не козоводъ, а чело-

вѣкъ, посвятившій всё свои силы борьбѣ съ дѣтскою смертною большихъ городовъ и гигиенѣ матери и ребенка; съ этой же точки зрѣнія смотреть онъ и на козоводство, такъ что собственно уходу за козами посвящено у него лишь нѣсколько выдержекъ изъ сочинения извѣстной козоводки Е. Ф. Кореневой.

Вся брошюрка раздѣлена на 7 главъ.

I. Реабилитация козы. II, III и IV. Кормлене козымъ молокомъ. V. Особенности козьего молока. VI. Продукты козоводства и породы козь. VII. Русская коза.

Въ концѣ брошюры помѣщены, по §§, выводы изъ всего сказаннаго и списокъ заведеній, гдѣ можно доставать козь. Нужно сказать, что козоводство у насъ такъ быстро подвигается впередъ, что въ настоящее время заведеній, гдѣ можно доставать козь, существуетъ много больше, чѣмъ указано авторомъ.

Имѣя въ виду исключительно козу-кормилицу, авторъ преимущественно говоритъ о молочныхъ швейцарскихъ козахъ, совершенно не касаясь ангорскихъ, кашемирскихъ и др. породъ.

Съ внѣшней стороны брошюра очень изящна, издана на прекрасной бумагѣ, снабжена рисунками. („Московск. Вѣд.“.)

Колосовъ, С. *Въ погоню за сельско-хозяйственными знаниями.* (Изъ воспоминаній народнаго учителя 70-80 годовъ.) VI + 26 стр. Гжатскъ. 1909 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 коп.

Эта брошюра содержитъ въ себѣ очень искренни и сердечный рассказъ народнаго учителя прежнихъ временъ о своей попыткѣ научиться рациональному веденію сельскаго хозяйства, чтобы, путемъ обработки школьнаго участка земли, свои сельско-хозяйственныя знания провести на ряду съ грамотой въ деревню. Въ тѣ времена эта мысль многомъ казалась, если не вздорною, то, во всякомъ случаѣ, малопригодною.

Лишь теперь, слава Богу, она не только, наконецъ, получаетъ право гражданства, но даже всячески поощряется.

Авторъ же настоящей брошюры пережилъ въ свое время горькое разочарование и потерѣлъ неудачу, послѣ чего его перевели на службу въ городское училище. Карьера его, какъ сельскаго учителя, считалась съ того времени законченною. Думы же, впервые запавши ему въ душу въ семинари, взлелѣяныя затѣмъ въ пришкольномъ огородѣ и садкѣ и окончательно окрѣпши на поляхъ образцовой казенной фермы, были накрѣпко заколочены и запечатаны.

Но озлобленія противъ жизни и людей онъ не вынесъ. Предисловіе къ своей брошюрѣ заканчиваетъ онъ словами: „Если намъ, старикамъ, не выпала доля отслужить у земли свою службу вскормившему насъ народу, то на развитыхъ надеждахъ нѣкоторыхъ изъ насъ новые люди, насъ замѣнившіе, пусть исполняютъ теперь это дѣло не за страхъ, а по совѣсти и долгу“.

Самую же брошюру свою онъ кончаетъ такъ: „Хотѣлось бы опять въ путь, опять къ землѣ и школѣ, да старое учительское сердце такъ часто уже требуетъ ремонта. Новому строителству оно шлетъ пожелание полного расцвѣта, а строителямъ—крѣпости и бодрости для доведения начатаго большаго дѣла до благополучнаго конца“. („Моск. Вѣд.“.)

V.

Изъ домашняго обихода.

Какъ сушить цвѣты. Собирать цвѣты легко, приятно и красиво. Для засушки надо положить цвѣтокъ въ книгу между двумя листами промокательной бумаги, а книгу положить подъ прессъ. Цвѣтокъ надо держать въ книгѣ двѣ недѣли, а листокъ — 1 недѣлю. Засушенный цвѣтокъ положить въ коробку; чтобы имѣть красивый гербарій, надо наклеить цвѣты въ тетрадку и подъ каждымъ цвѣткомъ подписать его названіе.

Чашка съ кофе—какъ барометръ. Налейте чашку кофе и распустите въ ней сахаръ, не мѣшая жидкость.

Если затѣмъ будетъ пѣна посреди чашки, то будетъ прекрасная погода, если пѣна образуетъ кольцо у краевъ, то дождь, если она ровно покроетъ всю поверхность кофе, то переменная погода, а если съ одного края, то будетъ моросить дождичекъ.

Это предсказаніе погоды по кофе всегда бываетъ безошибочно.

Опасность зараженія черезъ домашнихъ животныхъ. Въ послѣднее время многими изслѣдованіями доказано, что нѣкоторыя болѣзни животныхъ переносятся на человѣка. Изслѣдованія доктора Ферре показываютъ, что птички дифтеритъ, перенесенный съ домашней птицы на человѣка, вызываетъ у людей симптомы, сходные съ симптомами крупа. Наблюдались даже эпидемія дифтерита у куръ и людей, ходившихъ за ними. Туберкулезныя бациллы находили у кошекъ, собакъ и птицъ въ слюнкѣ, слизистыхъ отдѣленіяхъ носа и т. д.

Отсюда видно, что въ обращеніи съ ними требуется большая осторожность.

Крыжовникъ, какъ лѣкарство. Знаменитый ученый ботаникъ Линней страдалъ подагрой. Разъ, во время остраго припадка, ему пришлось ѣсть крыжовникъ, онъ вдругъ почувствовалъ облегченіе, велѣлъ принести еще крыжовника, съѣлъ его, и въ слѣдующую ночь затѣмъ спалъ спокойно. Употребляя и далѣе крыжовникъ, онъ вскорѣ сталъ себя чувствовать совершенно здоровымъ.

Искусственный ледъ. Для приготовления искусственнаго льда берутъ глиняный горшокъ и вливаютъ въ него нѣсколько болѣе 1, ф. воды и столько же сѣрной кислоты, прибавивъ затѣмъ 8 зол. глауберовой соли; воду, предназначенную для замораживанія, вливаютъ въ банку, которую ставятъ въ горшокъ со смѣсью, закрываютъ крышкою и затѣмъ все вмѣстѣ слегка повертываютъ.

VI.

КНИГИ ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ, ДѢТСКОЙ И СЕМЕЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

II.

По церковной исторіи.—Житія святыхъ.

19. Народный богомолецъ, пр. Серафимъ, старецъ Саровскій.—*Сост. Н. И. Кедровъ. Ц. 25 к.*
20. Старецъ Серафимъ и Саровская пустынь.—*С. А. Архангелова. Ц. 50 к. (Изд. Сойкина.)*
21. Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ.—*Е. Поселянина. Ц. 25 к.* (Для человѣка небогатаго рекомендуемъ эти три книжки о св. Серафимѣ. Особенно книжку Е. Поселянина, писанія котораго проникнуты горячей и благоговѣйной любовью къ Угоднику. Внутренній огонь автора передается и читателю.)
22. Воспоминаніе о Саровѣ.—*Анатоля Попова. Ц. 15 к.* (Безри- тязательное описаніе поѣздки въ Саровъ вѣрующаго мирянина. Голосъ вѣстелигентнаго богомольца, получившаго облегченіе отъ недуга. Про- сто и поучительно.)

ОБО ВСЕМЪ.

I.

Успѣхи русскихъ кустарей за границей.

Моск. губернской земской управой получены интересныя данныя о необычайномъ успѣхѣ на выставкѣ въ Лейпцигѣ русскихъ кустарныхъ издѣлій—экспонатовъ кустарнаго музея московскаго губернскаго земства. Бывшие на только что закончившейся выставкѣ представители Англи, Франци, Бельги и Австрали чрезвычайно заинтересовались русскими кустарными издѣліями и сдѣлали цѣлый рядъ заказовъ. Одна фирма рѣшила устроить выставку русскихъ кустарныхъ издѣлій въ Австрали, въ Новой Зеланди, въ г. Окленѣ. Та же англійская фирма намѣрена устроить выставки русскихъ кустарныхъ издѣлій и въ другихъ городахъ Австрали. На выставкѣ въ Лейпцигѣ московскій кустарный музей получилъ заказовъ изъ Германіи на 12.000 марокъ. („У. Р.“)

II.

Мы и Японцы.

Далекій заброшенный Сахалинъ мы, какъ извѣстно, подѣлили пополамъ съ японцами. Съ тѣхъ поръ прошло уже пять лѣтъ, и что же мы видимъ?

Японцы разрабатываютъ на Сахалинѣ угольныя копи, заняли подъ посѣвы огромную площадь земли, строятъ желѣзную дорогу, устроили нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ и годъ отъ году увеличиваютъ свои сельско-хозяйственныя колоніи, при чемъ уже теперь число японцевъ-колонистовъ на этомъ „проклятомъ островѣ“ достигло 132 тысячъ человѣкъ.

А мы?

У насъ, съ уничтоженіемъ на Сахалинѣ каторги, население уменьшилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ и теперь едва достигаетъ 6.500 человѣкъ. Дороги, когда-то проложенныя каторжанами, и часть ими же построенныхъ мостовъ пришли въ полную негодность. Да, впрочемъ, какъ видно, и ѣздить-то по этимъ дорогамъ и мостамъ тамъ некому и незачѣмъ.

Робкія попытки создать хоть какую-нибудь промышленность на Сахалинѣ обыкновенно оканчиваются крахами. Напримѣръ, въ Пилевѣ начало было налаживаться лѣсопромышленное дѣло. Одна крупная шведско-русская компанія затратила на это дѣло около

миллона рублей, но черезъ годъ забросила и заводъ и уже сдѣланныя крупныя заготовки лѣса. Хорошіе рабочіе не ѣдутъ на Сахалинъ и предпочитаютъ бѣдствовать въ центральной Россіи, а мѣстныхъ, во-первыхъ, очень мало, во-вторыхъ, съ ними нѣтъ сладу: бунтуютъ, бастуютъ, грабятъ и даже... убиваютъ. Нѣтъ ни суда, ни полиція, законы дѣйствуютъ обще-русскіе, а мѣстные нравы и вся обстановка требуютъ законовъ исключительныхъ. Добыча каменнаго угля, начатая было самовольно, безъ разрѣшенія, была прекращена мѣрами администраціи, а надлежащаго разрѣшенія изъ Петербурга ждутъ вотъ уже три года и когда дождутся, наконецъ, этого разрѣшенія—никому неизвѣстно. Тѣмъ временемъ угольныя шахты заливаются водою, сдѣланныя сооруженія разрушаются, проложенныя дороги размываются и т. д. Возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи начать на Сахалинѣ разработку нефти, но въ Петербургѣ по какимъ-то „вышимъ соображеніямъ“ нашли это неудобнымъ и отказали просителямъ.

Чѣмъ же проявляется на Сахалинѣ наша дѣятельность.

Да вотъ недавно прибылъ изъ Петербурга на Сахалинъ штатъ акцизныхъ чиновниковъ.

Какъ видно, чиновниками только и богата Россія! („Земщина“).

III.

Праздникъ воздухоплавателей.

(картинки).

I.

Три Фармана да два Блерю одновременно въ кругу и всѣ пять управляютъ нашими русскими летунами.

Четыре аппарата долго вмѣстѣ нарили въ небесной выси, оспаривая другъ у друга пальму первенства какъ за высоту, такъ и за длительность полета...

Ефимовъ, Рудневъ, Мацевичъ, Горшковъ. Кто изъ нихъ лучше?

Всѣ лучше...

А Кузьминскіи? А Матвеевичъ-Мацевичъ?

Всѣ,—всѣ рѣшительно, хороши и, положи руку на сердце, говорю вамъ — одинъ другого лучше...

Ефимовъ.

Первымъ взлетѣлъ Ефимовъ.

Сильный, смѣлый летунъ. Его повороты, быстрые скользяще спуски вплотную къ землѣ, точное, въ назначенномъ мѣстѣ прикосновение и за-

тѣмъ безъ остановки мотора дальнѣйшій полетъ — удивительны. Виртуозная техника владѣнія аппаратомъ.

Чувствуется не только умѣние. Чувствуется большой талантъ...

Маціевичъ.

„Неутомимый“... въ полномъ смыслѣ этого слова. Помяните, взлетѣлъ и пошелъ!.. и пошелъ! Одинъ кругъ, другой, третій... въ это время поднялись еще аппараты, полетали и спустились, а онъ все летаетъ и летаетъ...

Чудные повороты, подъемы показываютъ сильную школу и способнаго ученика...

Видно одна рука устала держать и править рычагами. Беретъ другой, эта устала, беретъ обѣими и все летитъ и летитъ

... Публика уже устаетъ слѣдить за нимъ, надѣется, что вотъ-вотъ онъ опустится, а онъ все паритъ въ воздухѣ и паритъ...

Напоминаетъ Христіанса, весной утомлявшаго зрителей такими же долгими полетами.

Да, мы, русскіе летатели, не хуже другихъ, это мы теперь знаемъ. Мы наконецъ въ это увѣруемъ и бросимъ губящую насъ манеру плевать на все свое и гнуть спину передъ чужимъ только потому, что оно иностранное..

Рудневъ.

А этотъ офицеръ? На долгомъ полетѣ только на двѣ минуты уступившій первенство Маціевичу...

Итъ, надо это испытать, надо имѣть возможность видѣть своего офицера, владѣющаго „Фарманомъ“ такъ, какъ мы привыкли видѣть владѣющими только иностранцевъ...

Какое чувство удовлетворенія я испыталъ, когда увидаль сидящаго на приборѣ Руднева, спокойно и хладнокровно регулирующаго своего „Гнома“ и затѣмъ взвившагося въ воздухѣ...

Какъ хорошо!

Спасибо имъ, этимъ смѣлымъ безкорыстнымъ людямъ, работающимъ съ вѣчной опасностью для жизни только ради чести и славы нашей родины...

Но вотъ странность, чтобы не сказать больше...

Офицеры выходятъ въ лагеря — получаютъ лагерныя деньги; идутъ въ походъ — получаютъ походныя... и т. д., а наши „летчики“, какъ ихъ называютъ, не могутъ получать ничего, только потому, что до сихъ поръ въ нихъ не вѣрятъ и штаты ихъ еще не вошли въ жизнь...

Очень, очень мило. Ихъ всего-то нѣсколько офицеровъ-смѣльчаковъ, значитъ вопросъ не въ кредитахъ или деньгахъ, а вопросъ только въ нашей „инертности“, говоря по благородному, или „канцелярской волокигѣ“, вазывая вещи ихъ именами по старому приказному словарю...

Краткость замѣтки не позволяеть поговорить объ остальныхъ летувахъ, но, право же, они нисколько не хуже описанныхъ.

Матыевичъ.

Блерю сводить всѣхъ съ ума... Восторговъ передъ этимъ красивѣйшимъ созданиемъ нѣтъ возможности описать...

Полетъ и спускъ при труднѣйшемъ поворотѣ Матыевича-Мацѣевича вызвалъ всеобщее удивленіе...

Нельзя всего описать, надо самому поѣхать и посмотреть, благо близко.

II.

Чудный день...—Солнце ярко освѣщаетъ весь кругъ, изъ сараевъ то и дѣло выводятъ аппараты пробовать моторы и винты...

Жужжаніе разносится по всему полю и смѣшивается съ жужжаніемъ приѣжающихъ автомобилей.

Къ сожалѣнію, вѣтеръ препятствуетъ полетамъ. Тогда пользуются вѣтромъ для того, чтобы показать публикѣ, какъ можно подниматься на змѣяхъ системы подполковника Ульянина...

Змѣи одинъ за другимъ точно птицы на длинной ниткѣ поднялись и строго выровнялись по вѣтру... Вотъ поднимаютъ пустую корзинку, затѣмъ слѣдующи разъ поднимается офицеръ школы... Потомъ желающие изъ публики (надо сказать, что хвостъ дождавшихся очереди былъ не меньше, чѣмъ на вокзалахъ при огромномъ стеченіи тамъ публики...) Подымался предсѣдатель аэро-клуба графъ Стенбокъ-Фермеръ, командоръ поля г. Усовъ, много техникувъ-студентовъ и просто публики безъ всякой научной цѣли, а только бы „поглазѣть“ сверху на Комендантское поле.

Въ 4 ч. 40 минутъ взлетѣлъ Ефимовъ.

Первая ласточка, а за нимъ немедленно его воздушные послѣдователи — Рудневъ и Мацѣевичъ.

Всѣ трое летаютъ попрежнему смѣло, точно и неутомимо.

Летали на продолжительность полета и на точность спуска.

Полеты прерывались порывами вѣтра, во время которыхъ выводили змѣйковый привязной аэростатъ и на немъ можно было подниматься тремъ человѣкамъ и оттуда смотрѣть носящиеся кругомъ Фарманы.

Точно сядились Рудневъ, Ефимовъ, а дольше всѣхъ летать опять Мацѣевичъ...

Скоро онъ совершить загородную прогулку съ пассажиромъ куда-нибудь въ окрестности...

Но вотъ опять выводятъ двухъ Блерю... Что за красота...

Матыевичъ и Пютровскій.

Первый дѣлаетъ высокои взлетъ и съ высоты 200—300 метровъ спускается, какъ коршунъ, внизъ буквально камнемъ и передъ самой землей плавно выравнивается и продолжаетъ полетъ.

Удивительно красиво, совершенная птица... Только жутко.

Блерю летали и за кругомъ и надъ трибунами, такъ что въ публикѣ даже раздавались голоса не безъ нотки страха...

Дорого, что все это свое.

Свое — русское.

III.

Въ десятый день праздника, когда послѣднимъ взмахомъ вѣтра тучи унеслись далеко къ югу, и солнце блеснуло холоднымъ, но привѣтливымъ свѣтомъ, появилась увѣренность, что полеты будутъ чрезвычайные, что сегодня будетъ день большихъ удачъ. Никогда еще настроеніе не было такъ повышено; всѣ волновались, ждали необычайнаго, и не ошиблись.

Удивительно поддаются всѣ настроенію полета. Не слышно на кругу никакихъ разговоровъ о житейскихъ дѣлахъ,—всѣ какъ-то забываютъ о себѣ и живутъ жизнью аэродрома.

Устроители, развѣ они говорятъ о сборѣ, нѣтъ,—все вертится на удачѣ или неудачѣ летчиковъ, на красотѣ полетовъ и на рекордахъ. А между тѣмъ масса публики удивительно какъ равнодушно относится къ празднику русскаго воздухоплавания.

Сорокъ разъ летчики поднимались. Сорокъ разъ замирало сердце, сорокъ разъ рука тянулась къ шляпѣ,—хотѣлось поклониться тѣмъ безстрашнымъ героямъ, что взлетали все выше и выше, навстрѣчу къ облакамъ.

Когда Рудневъ поднялся на страшную высоту и поплылъ по направлению къ Петербургу, то, какъ бы привѣтствуя его, какъ бы обозначая путь, зажглись на небѣ двѣ звѣздочки, и онъ пронесся среди нихъ, на мгновение закрывъ ихъ отъ насъ.

Рудневъ пролетѣлъ надъ городомъ, покружился надъ Исаакиевскимъ соборомъ, прорѣзалъ рядъ улицъ, пронесся надъ Стрѣлкой и, описавъ громадный кругъ, опустился почти у старта.

День начался полетомъ Уточкина, который леталъ на своемъ Фарманѣ восемь минутъ и все время игралъ своею жизнью. Онъ падалъ съ такой стремительностью на землю, такъ небрежно выпрямлялъ аппаратъ, что казалось вотъ-вотъ онъ коснется земли и — прощай, Уточкинъ. Но это только казалось, Уточкинъ правилъ, какъ мастеръ, и леталъ, какъ рѣдко леталъ кто-либо изъ авіаторовъ.

Ефимовъ на своемъ Блерю взвился въ высь съ легкостью необычайной, у Ефимова почти нѣтъ разгона, онъ поднимается сразу, едва замѣтнымъ усиліемъ, у него все получается такъ просто, такъ естественно...

Снизу смотришь на Блерю и все кажется, что вотъ онъ замахаешь своими крыльями, нырнетъ вверхъ и исчезнетъ навѣки. Его прозрачный хвостъ блеститъ на солнцѣ, трепещетъ и, дѣлая крутые повороты, оставляетъ серебристый слѣдъ въ воздушномъ океанѣ.

Я стою рядомъ съ Уточкинымъ и влжу, какъ лицо его улыбается и глаза блестятъ отъ радости.

— Вотъ это полетъ, вотъ молодчина-то,—не выдерживаетъ онъ.

Дѣйствительно, молодчина.

IV.

Въ 3 часа 20 мин. начались полеты. Первымъ поднялся Лебедевъ на „Авиатикѣ“. За нимъ поднимаются послѣдовательно кап. Мацевичъ, поручикъ Матвеевичъ-Мацевичъ, поручики: Рудневъ, Горшковъ и лейтенантъ Піотровский.

Съ поручикомъ Матвеевичемъ пассажиромъ на „Блерю“ леталъ ротмистръ Далматовъ, который во время полета пускаетъ почтового голубя.

Начинаются состязанія на краткость взлета. Аэронавтъ Сегно дѣлаетъ попытку взлетѣть, но принужденъ спуститься. Его разбитая рука не даетъ ему возможности управлять аппаратомъ.

Интересный полетъ на значительную высоту совершаетъ Уточкинъ на „Фарманѣ“.

Почти одновременно взлетаютъ на высоту Ефимовъ и поручикъ Рудневъ. Въ это время на горизонтѣ показывается дирижабль.

Это „Голубь“, летавши днемъ надъ Петербургомъ. Онъ летитъ теперь изъ парка къ аэродрому. Навстрѣчу приближающемуся „Голубю“ полетѣли Рудневъ и Ефимовъ.

Въ гондолѣ дирижабля находились его командиръ, капитанъ Голубевъ, предсѣдатель пріемной коммисіи проф. Угѣшевъ, поручикъ Лазаревъ и механикъ Глазовъ.

Около 4 час. „Голубь“ былъ принятъ солдатами на тросы, въ гондолу вошелъ ген. Артамоновъ, начальникъ кронштадтскаго порта. На тросахъ дирижабль подвели поближе къ трибунамъ. Въ 4 часа 38 мин. онъ полетѣлъ обратно въ разборный эллингъ у корпуснаго шоссе.

Воздухъ былъ чрезвычайно прозраченъ. Исключительно красивое зрѣлище представлялъ дирижабль. Огромная желтая сигара на фонѣ синяго неба. Къ дирижаблю помчался Ефимовъ. Обогнавши его, онъ долго кружился надъ нимъ и, наконецъ, вернулся назадъ.

А Рудневъ въ это время леталъ высоко надъ взморьемъ. Публика съ восторгомъ привѣтствовала дирижабль.

„Голубь“ недавно построенъ на Ижорскомъ заводѣ. Это дирижабль весьма небольшого размѣра, но удачно сконструированный. Летавшій сегодня надъ городомъ „Кречетъ“ не прилетѣлъ на комендантское поле, потому что при спускѣ въ паркѣ руль ударился о сарай и сломался.

На „Голубѣ“ предполагается устроить рядъ пассажирскихъ полетовъ для представителей прессы.

Съ середины аэродрома на „Монгольфьерѣ“ поднялся Древницкій, а вслѣдъ за нимъ поднялся Ефимовъ, достигшій высоты 1 тыс. метр.

Около 5 час. на аэродромъ прибылъ предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, а немного позже министръ Кривошеинъ.

Премьеръ-министръ впервые очутился на аэродромѣ и проявилъ чрезвычайный интересъ къ полетамъ. П. А. Столыпину были представлены нѣкоторые члены аэроклуба, директоръ товарищества „Крыльевъ“ В. А. Суворинъ, аэронавтъ Древницкій и др.

Затѣмъ премьеръ осматривалъ аппаратъ „Фармана“ и высказался, что по его мнѣнію онъ устойчивѣе, чѣмъ „Блерю“.

Премьеру представили кап. Мацевича, съ которымъ П. А. Столыпинъ и совершилъ полетъ на бипланѣ „Фармана“, продолжавшійся около 5 минутъ.

Протоколъ о полетахъ, подписанный хронометристами, былъ поднесенъ П. А. Столыпину.

Едва только аэропланъ спустился, какъ большая толпа окружила министра. Зашелкали фотографические аппараты.

П. А. Столыпинъ поблагодарилъ Мацевича. Въ отвѣтъ на поздравленія премьеръ-министръ сказалъ:

— Хорошо. Хочется каждый день летать. Я всегда мечталъ о полетахъ и вѣрилъ теоретически въ успѣхъ воздухоплавания. Теперь я убѣдился въ немъ на практикѣ.

Въ отвѣтъ на эти слова кап. Мацевичъ сказалъ:

— Русское воздухоплавание съ вашей легкой руки пойдетъ быстрыми шагами впередъ.

Премьеръ-министръ дѣлился съ окружающими впечатлѣннiami отъ полета.

Какъ разъ въ это время спустился поручикъ Рудневъ, летавшій 34 мин. на высотѣ 1300 метровъ. Рудневъ, такимъ образомъ, установилъ всероссійскій рекордъ на высоту.

П. А. Столыпинъ поздравилъ Руднева и спрашивалъ о полетѣ. Затѣмъ онъ, осмотрѣвъ еще разъ аппаратъ „Блерю“, уѣхалъ.

Послѣ отъѣзда П. А. Столыпина начались новые полеты. Военный авиаторъ кап. Мацевичъ бралъ пассажиромъ декана кораблестроительнаго отдѣла политехникума проф. Боклевскаго.

Въ 5 час. на аппаратѣ „Блерю“ поднялся лейтенантъ Пиотровский со своимъ механикомъ, вмѣя неособенно большой запасъ бензина. Пиотровский леталъ нѣкоторое время надъ аэродромомъ, а затѣмъ куда-то скрылся. Его долгое отсутствие стало беспокоить членовъ жюри. Всѣ предполагали катастрофу. Распространился слухъ, что Пиотровский спустился въ городѣ, но безъ поврежденія.

Наконецъ, удалось при помощи нѣсколькихъ другихъ авиаторовъ установить направление, по которому полетѣлъ Пиотровский.

Были посланы казаки обыскать все поле, но ничего не нашли. Около половины 7-го было получено извѣстие по телеграфу изъ Кронштадта, что только что здѣсь опустился лейтенантъ Пиотровский.

Извѣстие это вызвало сенсацию на аэродромѣ.

Всего за цѣлый день официально было засчитано 36 полетовъ.

Призъ за краткость взлета первый достался Рудневу, 2-й — Мацевичу *). Призъ за продолжительность полета безъ спуска: 1-й — Ефимову, 2-й — Уточкинну. („Гол. Москвы“).

*) Къ великому прискорбiю этотъ отважный авиаторъ погибъ во время полета 24 сентября, упавъ съ высоты 450 метровъ.

IV

На поляхъ газетъ и журналовъ.

Въ иркутской газетѣ „Вост. Заря“ напечатано: „жена поручика Винтера просить добрыхъ людей не отказать ей въ помощи“. По поводу этого воззванія „Н. Вр.“ пишетъ:

Кто такой Винтеръ?

Винтеръ служилъ въ иркутскомъ интенданствѣ. Какъ честный человѣкъ, онъ не переносилъ порядковъ, создавшихся въ вѣдомствѣ при отданномъ только что подъ судъ генералѣ Хаскинѣ. Жаловался и писалъ. Какъ неспокойнаго человѣка, его отставили отъ должности, а потомъ, почти наканунѣ сенаторской ревизи, бывший иркутскій генераль-губернаторъ Селивановъ по настоянью Хаскина отдалъ его за клевету на Хаскина подъ судъ. Ревизующій сенаторъ, когда всѣ выставленные Винтеромъ противъ Хаскина обвинения подтвердились, судебное преслѣдованіе противъ него прекратилъ. Но если Винтеръ оказался правымъ, отчего же вѣдомство не можетъ взять его обратно на службу? Вѣдь въ честныхъ людяхъ интенданство нуждается. Разъ вновь назначенный иркутскій окружный интендантъ полковникъ Трофимовъ въ своей вступительной рѣчи говорилъ, что въ интенданствѣ не можетъ быть мѣста лишь лицамъ старыхъ традиціи, то какъ Винтеръ, такъ и другія лица, борившіяся за новые порядки вѣдомства и претерпѣвшія отъ старыхъ, должны быть призваны къ работѣ. Помочь имъ прямая обязанность государства!

Мы постоянно кричимъ: нѣтъ честныхъ людей. Гдѣ честные работники? Но если они дѣйствительно нужны, то какъ же могутъ нуждаться и быть безъ мѣста такіе честные чиновники, какъ Винтеръ?

* * *

Въ „Вѣстникѣ Литературы“ (Извѣстія кн. маг. М. О. Вольфа) помѣщена рецензія на книгу нѣкоего Ножина, — и въ этой рецензіи мы читаемъ:

„Нельзя безъ содроганія читать страницы, описывающія послѣднія минуты приговоренныхъ къ смертной казни, нельзя безъ волненія слѣдить за терзаніями, которыя испытываютъ „смертники“, нельзя равнодушно перелстывать описание послѣдней ночи передъ висѣлицей. Задача дать рядъ картинъ, которыя ясно показываютъ весь ужасъ смертной казни. Вѣсто предисловія у автора одно слово: „не убій“!

Какъ все это противно читать! Мы не поднимаемъ здѣсь вопроса по существу, и, конечно, мы не за смертную казнь принципиально... Но пора же бросить эти сантиментальныя пошлости, это оплакиваніе убійцъ при равнодушномъ отношеніи къ убиваемымъ. Отчего это нельзя безъ содроганія читать описанія терзаній приговоренныхъ къ казни, а можно спокойно говорить о мукахъ ихъ жертвъ? Фальшивые гуманисты какъ пугая твердятъ одно власті: *нельзя казнить!* И ни слова не говорятъ злодѣямъ: *нельзя убивать!* Почему это Ножинъ такъ трогательно описалъ страданія караемыхъ убійцъ и... не описалъ терзаній, ужасныхъ послѣднихъ минутъ убиваемыхъ? Жалѣютъ тѣхъ, кто бросаетъ бомбы.

рѣжетъ дѣтей; стариковъ, насилуетъ женщинъ и на глазахъ дѣтей убиваетъ ихъ родителей—и не скорбятъ объ этихъ несчастныхъ мученикахъ! Къ чему такая слезливая жалость къ злодѣямъ и холодное равнодушие къ честнымъ людямъ мирнаго труда? Это наводитъ на очень многія думы... Странныя времена: защитники заповѣди „не убий“! властямъ кричатъ: „не казни“! воищу говорятъ: сломай мечъ! а злодѣямъ—не говорятъ: „не убий“! Неужели причиною рабій страхъ передъ убійцами?

Ник. Энгельгартъ въ „Нов. Вр.“, говоря о баптистахъ (при чемъ довольно неосновательно, думаетъ, что они не страшны), увѣряетъ, что древне проповѣдники, какъ, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ не произносили словъ въ храмѣ за службой, а лишь говорили ихъ толпѣ на городскихъ площадяхъ. Публицистъ глубоко ошибается. И Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ *постоянно, много, усиленно* говорили проповѣди въ храмахъ и къ этому понуждали своихъ подчиненныхъ священниковъ... Г. Энгельгартъ прямо искажаетъ факты.

Перепечатаваемъ прекрасное „напутствие“ запаснымъ, написанное полк. Б. Каховскимъ, съ выдающимся талантомъ котораго наши читатели знакомы по стихотвореніямъ, печатающимся въ „Свѣточѣ“. Вотъ это „напутствие“:

Въ тишинѣ деревенскихъ обителей,
Возвратившись со службы домой,
Подготовьте себѣ замѣстителей
Въ строй.

Воспитайте солдатъ поколѣніе,
Чтобы съ дѣтства сознали свой долгъ,
Чтобъ героевъ пришло подкрѣпленіе
Въ полкъ.

Дайте сердце отвагой кипучее,
Прозорливые дайте умы,
Чтобы были всѣхъ въ мірѣ могучѣе
Мы!

Сжато, сильно, выразительно. Ясно изложено здѣсь образъ дѣйствій призываемыхъ для подготовки молодежи къ военной службѣ. Эта подготовка необходима. Сама жизнь требуетъ. Намъ нужно воспитать бодрое, мужественное поколѣніе, способное къ труду и къ доблестной защитѣ родины. Довольно слезливыхъ фразеровъ и нытиковъ. Вспомнимъ патриота Франци М. Гoble и скажемъ: пусть дѣйствуютъ всѣ тѣ, кто не хочетъ видѣть паденія России, пусть дѣйствуютъ, пока не поздно.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ напечатано.

„Всѣ сектантскіе проповѣдники исполнены глубокой вѣры. Ихъ жизнь не идетъ въ прямой разрѣзъ!“

А *баптистскіе* въ Саратовѣ, поступивше *такъ христіански* со вдовою поэта Некрасова, завладѣвъ ея капиталами?

* * *

Въ „Моск. Вѣд.“ помѣщена интересная статья А. Александрова „Изъ семейныхъ преданій Хомяковыхъ“. Беремъ интересный отрывокъ изъ этой статьи.

А. С. Хомяковъ былъ человѣкомъ въ высокой степени набожнымъ, крѣпко держался всѣхъ обрядовъ Православной Церкви и строго постился не только всѣ четыре поста, но и среду и пятницу каждой недѣли. Случалось, что его знакомые изъ Московскаго великосвѣтскаго круга упустили это изъ виду и, приглашая его на многолюдные званые обѣды, забывали распорядиться, чтобы для него приготовили особыя поствыя блюда, которыя бы потомъ и подавали ему. Не желая, по своей деликатности, конфузить хозяевъ и, по христіанскому смиренію, избѣгая выдѣляться среди другихъ гостей своимъ постничествомъ, Хомяковъ прибѣгалъ къ своеобразному средству, которое ему вполнѣ удавалось. Онъ начиналъ говорить... Обладая удивительнымъ даромъ слова, онъ такъ увлекалъ своею рѣчью всѣхъ присутствовавшихъ за обѣдомъ, что никто изъ нихъ не замѣчалъ, что онъ ничего не ѣлъ, незамѣтно отклоняя отъ себя всѣ подносимыя ему слугами скоромныя блюда.

Даромъ слова Хомяковъ обладалъ необычайнымъ. Онъ былъ говорунуомъ чуть ли не еще болѣе даровитымъ, чѣмъ писателемъ. Особенно мастерски онъ спорилъ. Этимъ даромъ его любили пользоваться его друзья славянофилы, постоянно его преимущественно предъ другими, выдвигавше впередъ въ своихъ словесныхъ поединкахъ съ даровитыми западниками того времени, въ рядахъ которыхъ были недюжинные мастера слова. Изъ поединковъ этихъ Хомяковъ выходилъ обыкновенно съ большою честью.

КРАСНЫЯ СЛОВА.

(Полезная памятка.)

1. Искусство даетъ крылья. *А. Чеховъ.*
2. Больше ревнивцы унижаютъ самихъ себя: они своею ревностью какъ бы показываютъ, что считаютъ себя ниже и хуже всѣхъ, ибо иначе они не боялись бы, что ихъ такъ легко промѣняютъ. *Л. Оболенски.*
3. Довѣрие—растение очень нѣжное: увянувъ разъ, оно не зацвѣтаетъ вновь. *Шербулье.*
4. Красоту прежде всего надо искать въ природѣ, которая сама по себѣ и высшии идеалъ и вѣчный образецъ для подражания. *Рёскинъ.*
5. Въ иныхъ случаяхъ вдатся въ обманъ—значить обнаружить величiе души, а не довѣрять—значить унизиться. *В. Гюго.*
6. Манера обращаться съ книгой при чтении свидѣтельствуеетъ о культурѣ читателя. *Баратень.*
7. Трудъ безъ любви—каторга. Любовь безъ уваженiя—оскорбленiе. *В. Португаловъ.*
8. Какую бы внѣшнюю оболочку ни приняло счастье, источникъ его всегда въ тайникахъ нашей души. *Метерлинкъ.*
9. Кто дѣлаеетъ все безъ вниманiя, тотъ никогда не будетъ полезнымъ и хорошимъ работникомъ. *Н. Бунаковъ.*
10. Если хочешь узнать, людей, узнай что смѣшитъ и огорчаеетъ ихъ. *Демокритъ.*
11. Въ наше время существуютъ только дипломы; воспитанiе вышло изъ моды. *Кармень Сильва.*
12. Самой прибыльной торговлей было бы покупать людей за то, чего они стоятъ, и перепродавать за то, во что они сами себя цѣнятъ. *Леонардо да Винчи.*

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

(Отвѣты Редакціи и Конторы.)

Грушевка.—Г-жеву.—Июль-авг. вамъ былъ посланъ, въ чемъ имѣется почт. респ. Жалоба ваша передана почтамту.

Гродна.—Подписчику № 3,283. о. Т.—му. Вы перешли въ годовые подписки въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Посылая №... съ июля—по сентябрь мы лишены возможности (по почтовымъ правиламъ) прислать вамъ первыя двѣ книги „Дѣтской Библиотеки“. Если желаете ихъ получить—соблаговолите выслать 21 коп. для пересылки заказной бандеролью.

Ялта.—Попову.—„Алупка“ пройдетъ въ этомъ году: ноябрь и декабрь.

Самара.—П—вой.—Тема разработана хорошо, но она слишкомъ специальна и изложение сухо. Можно ли для „общаго“ журнала давать 5 страницъ цифръ!

Петербургъ.—Полковнику —Рады, что вы паходите „мысль“ сентябр. Бесѣды вѣрною, „изложение“—сильнымъ, доводы —„покоряющими“. Вы угадали, что жгучая любовь къ родинѣ руководила авторомъ.

Тамбовъ.—С—ву.—Эти „жалобицы“ надоѣли и въ „Рѣчи“. Избавьте насъ отъ роли „плакальщицы“ по тѣмъ, которые на лучшій конецъ — „жалки“.

Ярославль.—Русскому.—Мы не хотимъ пачкаться въ этой грязи.

Симбирскъ.—Неизвѣстному.—Мы не понимаемъ вашихъ загадокъ. Посылать журналъ даромъ всѣмъ учителямъ мы не можемъ. Относительно новой газеты ничего не говорили „за“. Объявление обмѣнное не рекомендація.

Харьковъ.—З—ну.—Благодаримъ васъ за дружеское участие и совѣтъ „отъ сердца“, но послѣдовать ему не можемъ, ибо мы не торгуемъ бумагой. Да, вы правы: несомнѣнно мы даемъ текста болѣе, чѣмъ другіе на 20 л. и печатаютъ все крупно, разгонисто. Но мы бережемъ бумагу и хотимъ дать болѣе чтенія, матеріала, а не бумаги. Болѣе дешевой и грубой, но толстой бумаги не можемъ брать, ибо—на ней не выйдутъ рисунки. И шеголять „дутой толщиной“ не желаемъ. А что мы даемъ очень много, что цѣна наша ниже многихъ, считающихъ себя „самыми дешевыми“ изданиями—это оцѣнили наши подписчики,—въ числѣ ихъ и вы. И этого намъ довольно.

Подписчику Р. Т.—Стихи „Солнце ярко горить“... не пригодны.

Секретарь редакціи М. Орѣшникова.

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ.

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.

XXX — БЕСѢДА — I. Неожиданный интервьюеръ.— II. Кстати.— А. В. Круглова	1
XXXI — ПАТРИАРХЪ ГЕРМОГЕНЪ.— Изъ стихотворенія Н. А. Вроцкаго. (Съ портретомъ патр. Гермогена).	10
XXXII — ЧУДОВЪ МОНАСТЫРЬ.— Иллюстр. на отд. листѣ	11
XXXIII — ПОЛЯКИ У ПАТР. ГЕРМОГЕНА ВЪ ПОДЗЕМЕЛЬѢ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.— Иллюстр. на отд. листѣ	13
XXXIV — НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ И ШКОЛЬ	17
I.— ЖЕНСКОЕ РАВНОПРАВІЕ.— II. ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.— III. КО ВРЕМЕНИ.— IV. БИБЛИОГРАФІЯ — V. ИЗЪ ДОМАШНЯГО ОБИХОДА.— VI. СПИСОКЪ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.	
XXXV — ОБО ВСЕМЪ	29
(Успѣхи русскихъ кустарей за границей.— Мы и японцы.— Праздникъ воздухоплавателей.— На поляхъ газетъ и журналовъ.)	
XXXVI — КРАСНЫЯ СЛОВА	39
XXXVII — ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ	40
XXXVIII — ДРЕВНЕЕ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.— (Серія 4-я.) М. В. Лысковскаго. (Отдѣльное приложение.)	
XXXIX — ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

(Иллюстраціи въ текстѣ.— Виньетки и заставки.)

Помогите малюткамъ дѣвочкамъ!

Не откажите что-либо пожертвовать въ Санаторію „Трудового Убѣжища для безпризорныхъ дѣвочекъ“ (Гатчина, Мариенбургская ул., № 21), необезпеченную капиталомъ и существующую исключительно на пожертвования благотворителей. Въ послѣдніе годы, съ повышеніемъ повсемѣстно цѣнъ на предметы первой необходимости, расходы по содержанию Санаторіи значительно возросли, между тѣмъ притомъ пожертвованія прекратились и тратятся послѣднія средства.

Помогите ради Христа! Не оставьте на произволь судьбы 30 несчастныхъ малышей дѣвочекъ-сиротокъ, отъ 3 до 10-лѣтняго возраста, подобранныхъ изъ сырыхъ угловъ и чердаковъ голодными и холодными. Скоро настанетъ зима. Необходимо сдѣлать имъ теплыя платья, платки и обувь, а у Санаторіи нѣтъ на это средствъ.

Всякое пожертвование будетъ принято съ глубокой благодарностью и часть же будетъ выслана квитанція съ печатью Общества.

Адресъ: Гатчина, Мариенбургская ул., № 21, Санаторія для безпризорныхъ дѣвочекъ.

Предсѣдатель Правленія
Статскій Совѣтникъ А. Тимофеевъ.

Казначей Дѣйствительный
Статскій Совѣтникъ П. Эллидовъ.

Омъ ии сир ина Самочин" ОБЪЯВЛЕНІЕ о подлиннѣ на 1911 а годъ

Открыта подписка на 1910 годъ

НА

IV г. изд.

„СВѢТОЧЪ“

IV г. изд.

и

„Дневникъ Писателя“.

Иллюстрир. ежем. литературно-научный журналъ для всѣхъ подъ редакцией А. В. Круглова, при раздѣленіи съ нимъ трудовъ редакціи А. Н. Догановичъ, при ближайшемъ участіи д-ра В. К. Недзвецкаго и при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Главн. Управл. Военно-Учебн. Заведеній допущенъ въ ротныя библиотеки военныхъ училищъ. (Отношеніе отъ 13 авг. 1908 г. за № 18017.)

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (за № 536) допущенъ къ выпискѣ въ библиотеки второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ.

„Свѣточъ“ и „Дневникъ Писателя“ будетъ выходить подъ общей обложкой (но съ отдѣльной нумеращей страницъ) 1-го числа кажд. мѣсяца, при чемъ лѣтніе №№ за май—іюнь, іюль—августъ слитными книжками.

Всѣ годовые подписчики (хотя бы и подписавшіеся въ разсрочку) въ 1910 году получаютъ:

- 12** №№ иллюстрированного журнала „Свѣточъ“ и, какъ бесплатныя приложенія:
- 12** №№ иллюстрированного журнала „Дневникъ Писателя“ (иллюстр. в. по текущимъ вопросамъ жизни, литературы и политики).
- 1** Сборникъ разсказовъ и очерковъ, подъ названіемъ „Потревоженные“.
- 10** портретовъ русскихъ поэтовъ (съ біогр. оч. и съ литер. характеристик.), что составятъ собою:
- 1** Литературно-художественный альбомъ, пригодный для каждой семьи и школы.
- 5** иллюстрированныхъ книжекъ „Дѣтской Библиотеки“.

Подписная цѣна на 1910 годъ.

	безъ доставки:	съ доставкой и пересылкой:
На годъ (съ всѣми 16-ю приложениями)	3 р. 50 к.	4 р.
„ 3 мѣсяца (безъ приложений)	1 „ 50 к.	2 „
„ 3 мѣсяца безъ доставк. не принимается		1 „

За границу только на годъ 6 р. 50 к.

Подписавшіеся въ разсрочку считаются какъ годовые и получаютъ всѣ приложенія. Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. и къ 1-му марта 2 р. Невнесшимъ второго взноса (2 р.) къ 1-му марта высылка мартовскаго № будетъ задержана до получения остальныхъ денегъ Казени и обществ. учрежденіямъ, полковымъ библиотекамъ допускается подписка въ кредитъ, если сдѣлана на официальномъ бланкѣ за подписью гг. казначеевъ и начальствующихъ лицъ, но къ 1-му марта всѣ подписавш. въ кредитъ должны сдѣлать взносы полностью.

Всѣ подписавш. на 10 экземпляръ. получаютъ 11-й бесплатно.

Подписку, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала адресовать: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго пер., д. гр. Олсуфьевой, Издателю-редактору журн. „Свѣточъ“ и „Дневникъ Писателя“, Александру Васильевичу Круглову. Телефонъ редакціи и конторы 83-00.

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ.